

STALKER

Дмитрий Григоренко



[Я ИЗ ЗОНЫ]
СЕГОДНЯ НИКТО НЕ УМРЕТ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Григоренко

Я из Зоны. Сегодня никто не умрет

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Григоренко Д. В.

Я из Зоны. Сегодня никто не умрет / Д. В. Григоренко —
«Издательство АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-107402-9

Над Кузьмой Новиковым нависла угроза – сесть в тюрьму. Но даже попытка укрыться в Зоне не спасает его от этой беды. Все меркнет перед новой опасностью. Все – и наемники, и бандиты – брошены на поиски дерзкого солдата. Вот только они еще не знают, что Кузьма уже стоит за их спинами...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107402-9

© Григоренко Д. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая. Закон	6
Часть вторая. Ренат	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Григоренко

Я из Зоны. Сегодня никто не умрет

© Д. Григоренко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая. Закон

1

– Ты получишь десяточку. Десять лет в тюрьме, с зэками и прожжёнными уголовниками. Знаешь, что они с тобой сделают?

Сказав это, полковник Махлюков нервно захихикал. Так же мерзко смеялась алкоголичка с отеком лицом на автовокзале. Да и угрозы были похожие: если не дашь на опохмелку, то ждут беды и неприятности. Полковник требовал от меня признания по всем статьям.

Я не знал, какая разница между зэками и уголовниками, поэтому промолчал. Мне хватило своего урки. Я вспомнил Чеса в последние минуты его жизни. Видимо, на моем лице отразились какие-то эмоции. Махлюков, который проводил расследование, почувал во мне слабинку и решил, что его угрозы начали действовать, – а раз так, то надо их усилить.

– Ты, Кузьма, в душе будешь бояться мыться. А если мыло упадет... – Он снова захихикал.

Я кашлянул, прочищая горло. Все же сидели мы здесь не первый час, и оно пересохло, как земля на солнцепеке. Полковник, стоящий передо мной в начищенных туфлях, сел на край стола. Допросы проходили в комнате с покрашенными зеленой краской стенами и минимальным количеством мебели: стол, два стула, привинченные к полу. К мебели можно было отнести и меня – безмолвного, не реагирующего на подначки нашего начальника воспитательного отдела. А что? Табурет сержант Кузьма Новиков по кличке... Без нее. Старую я оставил в полях Зоны, вместе с покойниками. Новой так и не обзавелся. «Эх, на настоящей зоне влепят», – мрачно подумалось мне.

Я посмотрел внимательно на ворот наглаженной военной рубашки полковника, гладко отполированные дорогой бритвой щеки.

– Товарищ младший сержант.

Голос мой не сорвался, фразу я произнес четко.

– Что? – недоуменно спросил Махлюков.

– Товарищ полковник, согласно уставу вы обязаны обращаться ко мне по званию или фамилии, – строго сказал я.

Махлюков вскочил со стола, замер на секунду. Я смотрел прямо перед собой: впереди кирпичная стена, за ней – наша военная часть. Весна насыщала воздух приятной свежестью, зелень робко пробивалась, и мир оживал от зимней спячки. Правда, не весь.

Мрачная хозяйка не изменяла себе, и темные тучи из Зоны накатом обрушивались на часть. Словно морские волны холодного океана.

«Что ж за напасть такая, из Зоны выбрался и теперь попаду в тюрьму. Как проклятье от Чеса – убил урку, значит, сам полезай на нары».

Махлюков меня не ударил. Жаль. Он судорожно расстегнул китель, засунул руки в карманы брюк и начал кружить вокруг меня. «Цербер одноголовый. Хотя нет, тот на цепи сидел, вход охранял. Черный ворон, что ж ты вьешься...»

– Крутой? Да?! Ничего, ты у меня не первый. – Он резко остановился, закрыв собой стену, и ударил кулаком по столу. – Думаешь, я не найду на тебя управу? Сопля малолетняя! Да я, честный офицер, таких тварей под корень извожу и изводить буду!

От удара стол затрясся, как холодец на празднике. Видимо, по замыслу полковника, такой резкий переход от спокойной беседы к битью мебели должен был вызвать у меня панику.

Нет, я, конечно, не железный человек, хотя уже и не бумажный. Шестидневный поход по Зоне меня изменил. Даже не так – я начал меняться. Такие обстоятельства: надо было или поменять мир, или себя. Я выбрал второй вариант. Поход, который начинался как стандартная самоволка: сходить в Зону, прошвырнуться до деревни или даже к бару, выпить со сталкерами, принести назад артефакт, а может, и байку повеселее.

Принес: солдатика, который пропал несколько недель тому назад, гематомы по всему телу и уверенность в своих силах – я смог выжить там, где многие упали бы и уже не встали.

Моей заслуги в этом мало. Спасибо сталкеру Трофимычу, который научил меня основным законам поведения на запретной территории и остался прикрывать от стаи собак.

Да и троица бандитов с помощью ударов, ругани и угроз очень сильно изменила мой взгляд на мир. За такое спасибо сказать – это, пожалуй, много было бы, но и проклинать я их не собирался. Отмычка по прозвищу Пробирка остался в радиоактивных топях Топи. А из них в часть вернулся. . .

– Товарищ младший сержант, – спокойно повторил я.

«Помню, Трофимыч, помню! Надо говорить спокойным тоном, это раздражает собеседника. Выводят мои ответы Махлюкова из себя, и он нервничает».

– Хорошо, Новиков, хорошо. Поверь, я тебя не буду трогать.

Он наклонился, достал из портфеля несколько листков бумаги, ручку. Положил предо мной белый лист. Смешно. Помню, в то утро, когда начмед пнул меня в Зону, я наткнулся на полковника. Как он тогда сказал? «Принесешь свой листик, а то на вас, дармоедов, не напаешься?»

Теперь он сам мне носит бесценные листики – только бы я написал то, что ему хочется, а не правдивое изложение событий. Как все меняется в зависимости от нужды человека.

Руки затекли, и наручники стали казаться неподъёмными гирями. Еще и кожу натерли чуть ли не до кости.

– Захочешь написать чистосердечное – скажешь, – в который раз за несколько дней произнес полковник эту фразу. – А вот этот сюрприз передали из госпиталя.

Он достал документ в файле, помахал им перед моим носом.

– Это тебе подарочек от сержанта Антона Дервянского.

Он специально сделал акцент на звании и фамилии. «Ну да, я – мразь без имени, а Крыса – солдат нашей части», – злобно подумал я. Махлюков помолчал, не дождался от меня никакой реакции, с грохотом отодвинул стул, уселся читать вслух:

– «Я такой-то, по прозвищу Крыса, попал в Зону двадцать четвертого февраля. При патрулировании в результате внезапного ухудшения погоды я отклонился от заданного маршрута и попал в засаду. Подло напавшие бандиты завладели моим оружием и заставили провести их через Границу на Топи».

Декламировал полковник хорошо, с выражением. Если бы он так же излагал стихи Маяковского на экзамене в театральное училище, то однозначно поступил бы.

– Так, буду тезисно читать. – Махлюков наклонился чуть вперед. – Ты хоть знаешь, что такое тезисно?

Я молчал. Наивный, при первом допросе, или опросе, я честно изложил события последних недель. Ну, как честно – ограниченную версию. Так сказать, пробничек. Лучше бы я заштопал рот суровой ниткой.

– Главное и вкратце, – пояснил полковник. «Большоголовой. Вот как его можно охарактеризовать, – подумал я. – И точно, в уме ему не откажешь. Прожжённая такая сволочь. Нет, он даже умнее торговца Дельного». Я с горечью понимал: манипулировать полковником не получится. Оставалось лишь не давать ему влиять на меня.

– Так вот, бедный Антон пишет, – полковник глубоко вдохнул, словно брал разгон перед стартом, и продолжил читать: – «Я неоднократно пытался убежать, стараясь не опозорить воин-

скую честь, но перелом ноги помешал в реализации этого плана. Меня удерживали взаперти на Топях, в старой хижине. На неоднократные предложения провести бандитов через наш блокпост я отвечал отказом, за что меня избивали и не давали еды».

Я вспомнил, как делился с Крысой последней банкой тушенки.

– «В дальнейшем, бросив бесполезную затею, бандиты по кличке Чес и Дельный завербовали младшего сержанта Новикова».

Тут я внезапно осознал, что именно не так в этих тезисах. Читал их полковник по воспитательной части, губами узкими шевелил, рождались слова. Однако это были не слова Антона – он так складно не смог бы писать, так хорошо строить фразы. А полковник их произносил – и не было никакого диссонанса: легкие исковерканные штрихи, неправильно построенные предложения – таких ошибок столь грамотный офицер не допустил бы. Это было как маскировочный халат. Халтурка под солдатика. Нет, писал-то Крысеныш, но я был уверен, что писал он под диктовку.

– «В ходе ссоры на почве денег младший сержант по кличке Пробирка убил двоих бандитов». – Полковник щёлкнул пальцами. – Что, Новиков? Мечтаешь, что тебе за убийство бандитов орден положен? Так это еще надо доказать, вдруг ты простых сталкеров завалил? А вот и он! «По стечению обстоятельств на хижину вышел сталкер по кличке Трофимыч. Младший сержант заключил с ним сделку: Новиков обеспечивает прохождение Границы через блокпост, за это получает артефакт».

«Глазастый. Как трястись от страха, ссать в штаны... Крыса ведь тогда чуть ли не терял сознание, а, оказывается, заметил. Или это уже посоветовали? Артефакт, дорогой артефакт, подарок моего начальника спас мне здоровье. При обыске нашли его в кармане и теперь задают ненужные вопросы».

Полковник же продолжал:

– «Испытывая постоянные угрозы со стороны Новикова, я был вынужден выполнять приказы. Меня пытали, наступая на поломанную ногу».

– Тля, – не выдержал я. Выругался про себя: «Что же за напасть такая – беспросветная».

– Хочешь сделать признание? Нет? Тогда слушай дальше, – отвлекся на секунду от тезисов полковник. – «В ходе ссоры возле колхоза Новиков ударом в голову прикладом ружья нанес тяжелую травму сталкеру Трофимычу и кинул его для привлечения стаи собак. Он хотел застрелить меня. Лишь появление боевой группы с блокпоста спасло меня от расправы этого убийцы». Подытожим: три убийства, похищение сослуживца, попытка незаконного пересечения границы, получение взятки... Двадцать лет на нарах, Новиков, двадцать лет.

Полковник захихикал, потом хрюкнул, как свинья, и захохотал уже во весь голос. Мой мозг отказывался воспринимать происходящее: хохочущий полковник – это такое же безумие, как клоун с ножом в руках.

«Двадцать лет, – обреченно подумал я. – Если выйду, то буду уже стариком. Сорокалетним стариком. Черт!» Я почувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы моего лица. Хотелось криво улыбнуться или заорать благим матом. Нет, я понимал, что мне не с руки признаваться в убийстве урки. Поэтому моя версия выглядела как сказка для детей – без крови и насилия. Я надеялся на честное признание Крыса и помощь начмеда.

Да, я много размышлял, пока сидел в карцере. Про блокпост, в котором была записана очень важная информация. Про Крадуна, который оказался сталкером и который нашел что-то очень важное в секретной лаборатории. Начмед меня спровадил в Зону, дал противорадиационный артефакт, ружье и, главное, проводника. Сталкер Трофимыч отработал по полной. Не бросил меня гнить в Топях. Хотя опыт, который я получил, поработав отмычкой в бандитской группировке, накинул мне сразу несколько лет опыта. «Начмед, вот кто меня спасет».

Полковник Махлюков заметил мои переживания. Он аккуратно положил признание Крыса на стол между нами и сказал:

– Думаешь, ты кому-то нужен? Нет, поверь мне, кроме мамы с папой, всем на тебя плевать. Я попросил зайти твоего начальника, пусть ознакомится с документом.

Полковник встал, достал из кармана модный портсигар. Зажигалка, огонь, сигарета. Он откинулся на стуле, с видимым удовольствием втягивая в себя никотин.

Моя надежда на Сергея Петровича зиждилась на простой логике. То, что он сделал раньше для меня, было основой. А вот то, что меня не переводили из части, держали в местном карцере, и, скажу больше, расследование проводилось не военной прокуратурой, а полковником по воспитательной части... Обнадеживало. Я затаился в ожидании чуда. «Если правда будет на моей стороне, то я избегу зоны, настоящей зоны».

В комнату для допросов вошел начмед – в звании капитана медицинской службы. Сергей Петрович.

Я невольно сравнил полковника и капитана. Махлюков – среднего роста, холеный, с высоким лбом, с желтоватыми волосами – походил на хорька.

Капитан, как и я, – высокий, короткостриженный, с серыми глубоко посаженными глазами. Казалось, он всегда смотрит с подозрением.

Я вдруг испытал чувство дежавю, словно такое со мной уже случалось: начмед, непонятная ситуация, которая привела к походу на запрещенную территорию. Того похода мне хватило с лихвой. «Напомнить Сергею Петровичу про обещанную поляну?» От этой глупой мысли я взбодрился.

Офицеры разговаривали, не обращая на меня внимания, а я думал: «Списанная Пробрка... Нет, даже про себя не надо произносить эту кличку. Все, ее время кануло, и я, как змея, сменил шкуру».

– Пару слов скажу, – попросил начмед.

Полковник недовольно поморщился:

– Много просишь, капитан. Поверь, ты со мной не договоришься. Этого я посажу, даю слово офицера.

Начмед беспристрастно посмотрел на воспитателя. Полковник выкрутился:

– Сигареты возьму в кабинете. А вы, капитан, поохраняйте преступника.

Махлюков вышел, хлопнув дверью.

Я весь напрягся, хотелось начать объяснять, доказывать, что я не виноват. Вернее, виноват, но не в том...

Сергей Петрович, глядя в зарешеченное окно, четко, но тихо произнес:

– Значит, ударом в голову прикладом ружья нанес тяжелую травму сталкеру Трофимычу и кинул его для привлечения стаи собак. За это я тебя упеку на нары, тварь неблагодарная.

Он ринулся к двери и вышел, чуть не сбив с ног полковника, который безбожно подслушивал.

2

Это было жестоко. Мои надежды не оправдались, мало того – ситуация усугубилась еще больше. Я сидел в карцере, на кровати со скрипящими пружинами. За забранным решетками окном наступал весенний вечер.

«Посадят. – Теперь меня начало трясти. Я сжал кулаки, мысли в голове крутились вихрем. – Нет, не высижу». Я вскочил и начал измерять шагами карцер: три, поворот и снова три, от глухой стены к ее сестре, а по бокам – отверстия к свободе – окно, как маленький дисплей, и металлическая дверь. Пытаясь успокоиться, я все ходил и ходил.

«Нет, начмед не поможет, – рассуждал я. – Все мои планы, расчёты рухнули после одной его фразы. А за ней стоит принятое решение. Насколько я знаю своего начальника, теперь уже бывшего, он точно не балабол. Я надеялся и на сволочь Крысу, которого тащил же через

Границу! Прикрывал от собак! Да и на Болоте про него не забывал. Вот она, человеческая благодарность».

Раньше меня радовал факт, подмеченный полковником с умным лицом хорька, что расследование проводилось не в полном объеме, не выплескивалось из обнесенной серыми плитами части, не шли вонючие волны по всему военному округу. Я размышлял так: часть входит в состав международных подразделений, и поэтому «наши» стараются не поднимать шум. Позорить самих себя они стали бы только в крайних случаях: например, если информацию слили доброжелательные соседи.

По моему изложению истории выходило, что Крыса – дезертир: он пропал и находился на запретной территории больше трех дней. Я – успел: шесть дней по справке и еще один сверху – вроде тоже беглец, но вроде и прикрыт по липовой болячке от медицинского пункта.

Такие происшествия случались постоянно.

Но мои надежды, как зеркало, разбились на мелкие осколки об асфальт и еще потоптались по ним ботинками. Мои спокойствие и напущенная самоуверенность, благодаря которой я до сих пор не свихнулся, испарились, как туман под лучами солнца.

«Убийство прикрывать не будут. Не того я уровня. В контрабанде не участвовал, личных связей в виде родственников-прокуроров не имею. А тут три убийства, три трупа.

Двадцать? Десять? Да без разницы, сколько лет. Много. Даже три года в тюрьме – это очень много».

От быстрого хождения по маленькому помещению закружилась голова. Я решил прилечь. Ребра занули, настойчиво напоминая, что они еще не восстановились после четких ударов урки. Лечение переломов очень простое – тугое бинтование грудной клетки и покой. Покой мне не снился, только Болото: в кошмарном бреду, кровохлеб отрывал мне голову, или Чес, с перерезанным горлом, вгонял нож мне в сердце.

Лечатся такие психологические заскоки тоже легко – водкой.

Хороший метод лечения, но мне не давали водки. Не входила она в рацион солдатика под следствием. Да и без следствия тоже.

Скрипнули пружины. Я чуть ли не впервые подумал: «Может, не зря подкинули веревку. – И сам же усмехнулся: – Нет, этот путь не для меня. Судьба неисповедима. На Болоте много раз возникали тупиковые ситуации, из которых не было выхода. По крайней мере, так казалось. Лишь терпение и работа головой приносила вкусные плоды.

Что там Чес сказал перед смертью? Меня бы на зону... Сбывается проклятье урки со стажем».

Я засмеялся – сначала тихо, а потом захохотал так, что спугнул птичек за окном. Они, недовольно чирикавая, сорвались с крыши и полетели искать другое место. Подальше от сумасшедшего человека.

Повернулся, громко клацнув, ключ в замке.

Стол, вернее, легкая пародия на него, стоял напротив кровати, под стеной у двери. Залезшие в камеру два бойца сразу заняли все свободное пространство – короткостриженные, с наглыми мордами. Два «деда».

– Ну чего, Пробирка, ты тут царьком устроился? – задал риторический вопрос боец среднего роста. Тот, что повыше, с родимым пятном на щеке, аккуратно прикрыл дверь и заорал:

– Встать, сука, когда я зашел!

Я видел их часто в курилке. Неразлучная парочка. Лысый и Пятно. Одни из тех немногих, что любят выступать по беспределу.

Я медленно поднялся. Даже Пятно оказался ниже меня. Мне совсем не хотелось лезть на рожон, но я понимал: или меня просто поколотят, или я попытаюсь дать отпор.

– Что, полкан вонючий прислал, вы и рады стараться? – спросил я наугад – и попал в десяточку.

– Да, гаденыш. Крысу чуть не завалил, так стал крутым? – Лысый стоял на месте, а вот Пятно забрел ему за спину. «Пора!» – решил я.

Помогло мне то, что я сам себя накрутил перед их визитом. Мозг помнил, как больно, когда бьешь сам, разбивая костяшки, и когда бьют тебя. Он сопротивлялся, намекал, что лучше договориться, выпросить...

Но я вспомнил Чеса. На одну секунду – и мне этого хватило.

Лысый успел вскинуть руку, прикрываясь от моего прямого удара, но мой крюк левой прошел, даже влетел, со свистом, смачно впечатываясь в скулу «деда». Он отлетел назад, сбивая своего дружбана.

Я заорал:

– Меня зовут Кузьма!

Подлетел к телам на полу – и тут совершил ошибку. Надо было прыгнуть на ногу Лысого или просто зарядить с носка в живот, стараясь расплющить селезенку. Я же нагнул, продолжая молотить бойца руками. Попал еще раз в голову, пару раз по его предплечьям. И сам охнул от боли – то, что я не сделал, получилось у Лысого: он оттолкнул меня, жесткая подошва его берца впечаталась мне в живот, и я врезался в стол. Острый угол оцарапал мне спину, и тут же Пятно накинудся сверху.

Я стал падать на пол. Мысль о том, что если я сейчас упаду или повернусь спиной, то стану инвалидом, придала мне злости. Не знаю, может, помогли и мои тренировки в карцере, которые не дали закиснуть за последние недели... Я, словно пружина, резко выпрямился и заехал Лысому, который подскочил ко мне. Теснота помещения играла мне на руку. Лысый, лидер в паре «дедов», старался бить первым и плевать хотел, что, по сути, мешает своему другу.

Удары Лысого оказались на удивление тяжелыми, словно в каждом кулаке он сжимал по гантели. Он попал мне в голову, ударил по рукам, которые я поднял в защите. Но я не собирался отдавать инициативу.

Я что-то неразборчиво прорычал, заметил, как Пятно рвется через опрокинутый им же стол. И все же я был выше, и руки у меня были длиннее. Двойка – прямой удар правой и левой. Лысый даже не покачнулся от попадания. Он начал напирать, я почувствовал, как у меня лопнула губа. Во рту появился металлический привкус, но я не останавливался. И все же успел. За секунду до удара, пришедшего от Пятна.

За эту замечательную секунду я достал подбородок Лысого: что-то клацнуло, его голова откинулась назад, оголяя кадык, и боец попятился назад. Еще секунда – и «дед» упал, смешно взбрыкнув ногами.

Пятно не дал мне полюбоваться своей работой и сильно ударил по ребрам. Уж не знаю, полкан им подсказал или он наугад начал меня бить именно в грудную клетку.

– Замочу! Замочу духа! – заорал Пятно.

Я отлетел к стене, прикрывая голову руками. Боль. Острая, словно насыпали перца в глаза. Боль, которая отключала все функции, выгоняла все мысли из моей дурной башки.

Пятно сделал шаг назад, взял разгон – прямой удар ногой. Фронт-кик. Хороший удар, сразу выбивает всю дурь.

Но я успел свести предплечья вместе, слегка пригнулся, тем самым закрыв живот и грудь.

Пятно еще не успел восстановить равновесие, как я его толкнул, налетев всей своей массой. Он бы устоял – все же он привык к дракам, но ему помешал Лысый. Тот, барахтаясь, пытался встать и стоял на карачках, как боксер после нокаута. Пятно зацепился за него и почти упал.

Мне этого времени хватило. Быстрым движением я залез рукой под матрас и вытащил веревку.

Я перешел в наступление и ринулся вперед. Веревка легла на грязную шею Лысого, и я резко дернул ее в разные стороны. Пятно же успел сориентироваться: в голове моей от его удара раздался гул, словно в ней начал бить церковный колокол. Я повис мертвой хваткой на Лысом, стягивая веревку на его шее все сильнее и сильнее. Упал, увлекая за собой наглого «деда», не давая ему подняться. Лысый завалился на меня сверху. Пол, который не мыли, судя по всему, годами, явно удивился такой чести. Пятно же начал лупить меня по бокам. «Черт! Берцы, оказывается, безумно больно бьют!» – промелькнуло в моей гудящей голове.

– На, тля! – заорал я.

– Душара! – провопил мне в ответ Пятно.

А Лысый, пытаясь стащить веревку-удавку с шеи, бессвязно хрипел. Этот хрип напомнил мне шипение старого патефона.

Сколько времени заняла эта бестолковая борьба? Минуты четыре? Вспышка боли пронзила грудь и прокатилась по всему моему телу. Я слегка ослабил хватку, уже почти ничего не соображая от боли. Лысый дернулся в сторону и, потащив веревку из моих рук, завалился ближе к стене.

Пятно вдруг замер.

– Какого черта вы тут творите? – раздался голос Баранова.

От боли я не услышал, как открылась дверь.

– Дверь закрой с той стороны! – попытался рывкнуть Пятно. Не получилась – голос у него был писклявый, как у комара.

Я не лежал без дела – пытался встать. Но при каждом движении ребра входили глубже и глубже, пронзая легкое. По крайней мере, мне так казалось.

– Я тебе рот сейчас закрою! – взъярился Баранов. Вот за что он мне внезапно стал нравиться: за нужным словом он в поисковик не полезет.

– Не мешай духа жизни учить! – продолжал пищать Пятно.

Мелькнула тень – и Баранов смачно приложил «деда». Пятно отлетел и, как пивная пена, осел возле стены с окном.

– Идиоты! Сегодня мое дежурство, и я за него отвечаю! – четко, с металлом в голосе произнес Баранов. Не ожидал я от него такого. Нет, не заступничества, а наличия интеллекта. «Верно мыслит, – сквозь боль подумал я, – его завтра спросят, почему запертый дух побит как собака, укравшая последнюю колбасу».

Баранов похрустел шеей и добавил:

– Свалили отсюда.

Пятно благоразумно промолчал. Лысый что-то пытался сказать, но из его горла вырвался только сдавленный хрип. Дежурный не стал повторять, а начал по одному их выволакивать в коридор. Между тремя старослужащими начался высокомагюкальный разговор с угрозами. Я же обессиленно прислонился к холодной стене.

Голова кружилась, грудь болела. С проникновением ребер в легкие я, конечно, перегнул. Баранов заглянул, вырвал у меня из рук веревку. Замахнулся ей, но бить не стал.

– Тушканчик, повезло тебе, что я ненадолго отходил, – сказал он.

Логично, вот только он вообще не должен был покидать пост.

– Это им повезло, – произнес я.

Баранов хмыкнул, поражаясь моей наглости, посмотрел на перевернутый стол и, перед тем как закрыть двери, сказал:

– Ужина не будет.

3

Ужин и не понадобился. Меня мутило.

«Сволочь офицерская, – злился я. – Сам, значит, не стал руки пачкать. Логично. Шакалов прислал, чтобы поломали мне характер. Уроды. Нет, все же проведенное с бандитами время наложило на меня отпечаток. Я ведь чуть не задушил Лысого, и мне было плевать, что потом произойдет. Да и полковника надо бы пробить по печени – пусть знает, на кого рыпается».

Мне не нравилось, что случилось, и не нравилась та буря ненависти, которая жгла мне нутро. Нет, там, конечно, еще от ударов Пятна болело, но вот ненависть... Хаотичная. Я ненавидел всех, начиная от начмеда, который засунул меня в Зону. Ненавидел Зону, этот гнойник на теле земли. «Что, мало я на Топях оставил крови? Не наестся все никак, хочет еще ломать судьбы?! Собака женской породы. Мало ей Трофимыча, мало солдатика на блокпосте, мало адептовца, Дельного, Чеса...»

Я со злостью глянул в окошко. Солнце освещало деревья. Верхушка тополя качалась, словно махая мне и предупреждая: не о том думаешь, не на тех злишься.

«Черт. Я становлюсь как урка. Весь мир мне должен, а я ему – ничего. Нет, злость хороша для драки. Без злости я бы сейчас лежал в луже кровавой мочи».

Кроме урки, по Зоне ходил и Дельный – торговец с низкими моральными принципами, но с хорошо работающими мозгами. Для того чтобы продавать наркотики в нашем криминальном мире, надо уметь крутиться. «Что бы сделал он в такой ситуации? – думал я. – Пора звонить родителям, пусть вытаскивают меня из этой выгребной ямы. Нет, не хочу. Беспokoить мать, которая будет плакать, понимая, какое мрачное будущее меня ждет. Отец – простой работник НИИ. Что они сделают? Да ничего. Пора взрoслеть. И для начала надо как-то подняться».

Начало холодать. Окрашенная противным зеленым цветом камера напомнила мне Топи. Птичка за окном перестала чирикать, а верхушка тополя словно обиделась на меня и неподвижно застыла. Ветер утих.

Я встал с третьей попытки. По-нормальному не получилось, приходилось изображать пьяного медведя: сначала на бок, потом на четыре конечности и, карабкаясь по стене, как альпинист на тренировке, я поднялся. Голова закружилась. Я медленно направился к перевернутому столу.

– Молодец, хорошо помешал Пятну, – прошептал я, нагнувшись, через боль поставил его на ножки, поковылял к кровати.

Скрипнули пружины. Лежать оказалось неудобно, и я сел, примостив под спину по-жлобски тонкую подушку. Начал размышлять.

Мне казалось, я упустил основной момент, что-то важное – как в детективах, какую-то детальку, которая меняет вектор направления. Стараясь вдыхать неглубоко, под свет луны я заснул.

А утром ко мне в гости пожаловал начмед. В повседневной форме: наглаженные брюки, китель с нашивками на рукавах.

Я, недовольно кривя губы от боли, встал. Военное приветствие еще никто не отменял. Вспомнил историю, когда в большом городе патруль остановил девушку-солдатику, и та не отдала вовремя честь. Залет! Она выкрутилась, ответив: «Свою честь я парню отдала», – и, поозорному козырнув, пошла без замечания. С чувством юмора попался ей патруль.

– Что с лицом, младший сержант Новиков? – сразу задал вопрос начмед.

– Упал с кровати, – ответил я и решил добавить: – Сергей Петрович.

– Раздевайся, – приказал он и начал проводить осмотр.

Заглянул Баранов, четко представился. От его голоса у меня разболелась голова.

– Что надо, Баранов? – устало спросил начмед.

– Да доложить хотел. Чест слово, это не я вашего фельдшера отлупил, – угрюмо доложил он.

– Уверен? – Начмед щупал мои ребра, но крепитации я не слышал: часто при переломах обломки костей при пальпации скрипят, как снег.

– Я ж знаю, с кем можно ссориться, а с кем нет.

– Хочешь мне втереть, что он сам упал с кровати? И так пять раз подряд?

Баранова я понимал – закладывать «дедов» он не хотел.

– Это... Кузьма, скажи, что я ж помог тебе отмахаться, – попросил он вдруг меня.

Начмед оскалился:

– Твоя версия отпала, Новиков. Или тебе Баранов помогал от стола отбиваться?

– Помогал, – ответил я. Хотелось сказать больше, но не при сержанте. Хотя что уже мне было терять?

– Разрешите обратиться?

– Нет, – ответил начмед.

Я все же продолжил:

– Трофимыч за мной на Топи притопал и помог с бандюгами расправиться...

Баранов превратился в одно большое ухо. Сергей Петрович сквозь зубы процедил:

– А ты его в благодарность под собак бросил.

Голос его изменился, стал строже.

– Нет... – успел ответить я.

– Собирайся. В госпиталь. Там и ребра просветим, и еще дело одно есть.

– Скоро ты светиться в ночи будешь от радиации, – пошутил Баранов.

Начмед щелкнул его по зимней шапке:

– Баранов, твоя честность тебя и погубит. У меня уже утром два идиота сидели в медпункте. Говорят, что побил их ты, когда они навещали своего друга.

– Козлы! Да я их! – взъярился дежурный.

– Ничего ты им не сделаешь. Я уже мозги им вправил, – сказал начмед. Казалось, он даже не услышал мое признание. Он уже поставил диагноз: я преступник – и даже назначил лечение: тюрьма. Не верил он мне.

Я, одеваясь, вспоминал Трофимыча: «Да, становится ясно, что связаны они были с начмедом и с черным прапорщиком. Контрабанда? Не факт. Трофимыч, конечно, опытный сталкер, но сам же говорил, что далеко в Зону он не ходок, а значит, и дорогих артов не носил. Черт! Мертвый он. И собаки кости его погрызли. Два раза с того света не возвращаются. Трофимыч! А я даже не знаю, как тебя звали, а ты за мной поперся на Топи, понимая, что это может плохо закончиться».

Меня вывели на свежий воздух, но подышать, конечно же, не дали. Старая «санитарка» покорно ждала будущего зэка.

Я осмотрелся. Поспешили в этом году, раньше перешли с зимней формы одежды на летнюю. Вариант определяется головным убором: шапка – значит, зимний вариант, а надел кепку, то все – летний. И без разницы, есть на тебе тулуп или нет.

Я усмехнулся. Еще и расческа должна обязательно присутствовать, и в шапке подколотые иголки с нитками, и носовой платок... Это армия.

На меня смотрели с настороженностью, в курилке, расположенной под ветвями каштанов, при моем появлении установилась тишина.

– Давай быстрее, мне еще заправляться, – крикнул шофер. «Гражданская личность в кепке. Ба! Знакомые люди. Именно он вез меня в Зону!»

Начмед кивнул, намекая, что надо грузиться. Водитель же продолжил:

– А чего без оружия, товарищ капитан? Этот-то, душегуб, в наручниках?

– Когда мне понадобится оружие, чтобы солдатику усмирить, я напишу рапорт на увольнение, – резко пояснил Сергей Петрович.

Да, я знал, что он вроде по рукопашному бою призовые места брал, а года два назад перестал ездить на соревнования. Говорят, попытался вступить в спецназ, но, на удивление, не прошел отбор – и все, как отрубил. Перестал интересоваться, хотя на турниках и брусьях проводил времени не меньше, чем в медпункте.

В машине с широко распахнутой, как будто пасть льва, дверью, сидел Лысый – с подвязанной бинтиком нижней челюстью. Он заметил меня, заметно напрягся.

Я распрямил плечи, поворачивал кулаками.

– Сейчас кто-то ответочку поймает, – сказал я и понял, что скалюсь от радости.

– Отфали! – прошмякал Лысый.

«Челюсть болит? Сейчас усилим эту проблему». Говорят, лобная кость – пластинка, настолько крепкая, что в боксе без перчаток ее специально подставляли под кулак противника. И косточки разлетались, как щепки.

Я ринулся в машину. Ударить Лысого головой мне не дали. Начмед, как котенка, дернул меня за шиворот:

– Успокойся, я сказал. Сел с другой стороны, и чтобы ни звука.

Во время поездки Лысый постоянно косился на меня, но старался не смотреть мне в глаза. Я же уперся в обидчика взглядом, будто стараясь проделать в нем дыру. Надоело мне это занятие где-то на середине пути. Дороги в предзоне отличались ухабами и дырами. Трясло. Мои ребра на каждой колдобине выли от боли.

Лысый молчал, придерживая челюсть двумя руками. «Пришли два барана волка пугать, – подумал я. – Хотя, по правде, Баранов меня спас. Нет, надо было учиться махать конечностями, а не бесцельно лазить по двору». Я вспомнил старую пятиэтажку, запертую между домами детскую площадку. Запах булок с абрикосовым вареньем, которое готовила соседка по этажу. Скамейку, на которой происходили важные события: первая бутылка пива, первый поцелуй с Юлькой.

Машина везла нас через голые поля, насыщенные черноземом. Дорога пронзала лесополосы, которые не позволяли ушлому ветру сдувать верхний слой почвы. Сначала мы ехали одни, потом стали появляться реликты советского автопрома. Прочадил автобус, в окнах которого я разглядел стариков: ну да, кто же еще мог двигаться в сторону отчуждения – только те, кто хотел там умереть.

Вскоре появились иномарки, да и дорога стала ровнее.

Показался госпиталь – название громкое, а на самом деле стандартная трехэтажная больничка. Я и сам частенько отвозил туда больных. Самые главные достопримечательности госпиталя – это кофейный автомат и тетя в засаленном халате синего цвета, которая торговала сладостями: белоснежный зефир, плитки черного шоколада. Не знаю, как другие, я же сладкое никогда не любил, но в армии хотелось его очень сильно. Хотя что может быть лучше хорошего шашлыка с соусом сацебели? Только два таких шашлыка.

Нас ждали. Махлюков, что-то нервно рассказывал солдатику. Тот исполнял обязанности денщика и водителя полковника.

– Бегом! – услышал я последнее слово Махлюкова.

Мы приблизились.

Асфальтная дорожка уперлась в ступеньки красного здания. Полковник выдохнул с негодованием:

– Капитан, если он сбежит, то я тебя!

Я не узнал, что сделает полковник по воспитательной работе. Начмед встал на щербатую ступеньку. Он и так был выше ростом, то теперь нависал над Махлюковым. Сергей Петрович сказал:

– Товарищ капитан. Не забывайте об этом.

Полковник оскалился, появились складки на щеках – ну точно хорек. А хорек – опасное животное. Хищник, который может перегрызть горло всем курицам и петухам в округе. «Главное, не стать птицей», – подумал я.

– Я смотрю, в медицине вы все офигели? Я еще разберусь по поводу больничного. – Полковник не кричал, но голос его дрожал от ненависти.

Я же встал вровень с Сергей Петровичем. Теперь мы вдвоем нависали над хорьком. Ситуацию разрядил солдатик-денщик. Он нес щетку и крем-пасту для обуви.

– Тов... – начал он, но полковник его грубо перебил:

– Чисти, чего встал? А вы ждите меня в приемной. Я договорился уже, сейчас поднимемся в палату.

Махлюков отвернулся, поставил туфлю на ступеньку. Солдатик замялся на секунду. Щеки его покраснели, как у девственницы перед первым поцелуем. Полковник недовольно хекнул, и денщик, присев, начал полировать туфли начальника.

Мы же втроем начали подниматься наверх. Холодный ветер пытался сорвать фуражки с офицеров. Вокруг сутились гражданские, подъехала «скорая помощь», быстро, но без мигалок. Перед тем как нырнуть в воняющее хлоркой приемное отделение, я успел задать вопрос:

– А зачем нам в палату?

Начмед ответил:

– Затем. Будешь с Крысой в гляделки играть. Кто-кого переглядит, тот и выиграл.

4

А я-то думал, что меня привезли сюда, чтобы ребра мне чинить, – ага, разбежались уже. Наивный. Я еще удивился: как так быстро – сразу после драки и в больничку. Машину дали без проволочек. Да и Лысый со своей подвязанной челюстью сбил меня с толку.

Крысе мне было что предъявить. Мотор в груди забился от злости с такой силой, что снова заболели ребра. «Сволочь, – закипал я. – Я нормальный человек и не прошу его строить из себя жертву, но рот на замке держать можно? В конце концов, просто рассказать, как все произошло, не приписывая мне того, что я не делал. За свое – отвечу, за чужие грехи – никогда».

Вслед за запахом хлорки нахлынули воспоминания. В оконном стекле я поймал свое отражение: черные волосы, такого же цвета глаза, выступающий нос. Теперь понимаю, почему мне часто намекали на то, что я спустился с гор. Лицо за последнее время осунулось, скулы торчали острыми краями.

Полковник догнал нас, когда мы оформлялись. Я сидел на мягком стуле и нервничал: грязь под ногтями, которую я старался вычистить сломанной спичкой, старый военный камуфляж – я, наверное, был единственным, кто до сих пор ходил в зимней шапке и нарушал тем самым устав. Смешно. Раньше меня это волновало – патруль же мог остановить! Теперь это казалось такой мелочью. Так и в жизни, когда все спокойно, как в затхлом пруду, мелочь начинает казаться важной.

Шапкой я прикрыл наручники, но все равно нервничал.

Медсестра выводила мою фамилию в журнале приема больных. Тесный халат подчеркивал плавные изгибы ее тела. Я честно старался не пялиться на нее и смотрел на плакат, где было изображено перевернутое дерево, одна половина которого висела сухими ветками, а дру-

гая зеленела крупными листьями. Аллегория с легкими. Ясно. Жизнерадостная надпись сообщила, что туберкулез излечим.

– Имя, – спросила медсестра, поправив темную непокорную челку, чем вызвала у меня приток тестостерона. «Феи, – подумал я, – умеют легким движением подчеркнуть свою красоту. Сейчас если еще глянет из-под ресниц, то все – слова даже прокаркать не смогу».

– Марина, – хрипло ответил я.

Она замерла, успев вывести начало буквы «М».

– Что – Марина? – удивилась она.

– Имя. Твое, – сказал я, стараясь не опускать взгляд. – Что означает – морская. У тебя родители случайно не сталкеры?

Девушка от такого перехода растерялась, губы ее раздвинулись в улыбке, а на лбу пролегла морщинка.

– Нет, – ответила медсестра – А что?

– Тогда откуда у них такой ценный артефакт? – раздался противный голос за моей спиной. Я мысленно сплюнул на дешевый коврик под ногами. Оборачиваться на обломщика не стал. Вернее, обломщицу. Жирная, словно откормленная гусеница, тетка на корявых ножках проползла мимо и плюхнулась за соседний стол. Теперь я мог рассмотреть длинные невымытые патлы, разводы краски на лице, словно она накладывала не макияж, а боевую раскраску для отпугивания.

– Ходят тут, нового чего сказать умишка не хватает, – раскудахталась она. Видимо, она и была тем доктором, к которому меня оформляли.

Уголки пухлых губ Марины опустились вниз. «Блин, – мысленно выругался я. – Ей с такой живой мимикой – да в актрисы! Что она забыла в этом клоповнике, который расположен рядом с радиационной свалкой?» Мне стало жалко девушку. Именно это чувство – жалось к медсестричке – помогло мне перебороть слабость. «Чего я сдался? Ладно девушка, чудное создание, которое духовно выше и чище, чем я, здоровый и наглый мужик».

Курица с противным голосом продолжила кудахтать, но я ее перебил:

– Да легко. – Подмигнул морской деве и спросил – Откуда взялось слово «брюнетка» в нашем языке?

– Как откуда? Как откуда? Коричневая, значит. С французского. Читать классиков надо, молодой человек, – скороговоркой проговорила докторша.

– «Брюнет» в переводе с французского означает «каштан». А «коричневая» – это совершенно другое слово. – Я вложил в свои слова весь сарказм, на который был способен. – Читать любой может, а понимать, что читаешь, – не каждой дано, – закончил я.

Марина опустила глаза, но я заметил ее яркую улыбку.

– Хам! Хамье! – начала возмущаться тетка.

– Да, и еще, – я повысил голос. – Я понимаю, почему вы так со мной обращаетесь... Что, с солдатами ни копейки содрать не получается?

Я повернулся и стал разглядывать докторшу. Нет плохих профессий – есть гнилые люди, которые портят мнение о профессии. Таких медиков я редко, но встречал. Наглые, чванливые, видящие в каждом больном деньги и только деньги.

– Да я буду жаловаться! Я такое не потерплю, в своем кабинете выслушивать оскорбления от черного... – завопила оскорбленная до глубины души врачиха.

Я вытащил скованные стальной цепью руки и демонстративно положил их на стол. Наручники гулко ударились о лакированную поверхность. Докторица запнулась, судорожно выдохнула.

– Я имела в виду грязного...

Я провел большим пальцем по уголку рта.

– В смысле невымытого...

Марина укоризненно смотрела на меня.

Раздался телефонный звонок. Тетка вцепилась в трубку старого, еще дискового аппарата, словно за спасательный круг. Теперь она имела полное право меня игнорировать. Наигранно стала задавать вопросы кому-то и охать:

– Первая городская больница... Сколько? Все к нам? Нет, хирургов мало...

– Новиков! – раздался вдруг строгий голос начмеда, – хватит людей пугать. Давай вслед за Лысым на рентген. Девушка, не записывайте нас. Зачем зря бумагу марать?

Марина совсем растерялась. Докторша не обращала на нас никакого внимания, усердно сосредоточившись на телефонном разговоре.

– Не волнуйся. Главврач в курсе, – успокоил медсестричку капитан.

Я встал, лихо надел шапку и не удержался – вцепился взглядом в нежные изгибы красивой фигуры Марины. Девушка заметила и улыбнулась.

– Все равно после обследования зайдите обязательно, – тихо сказала она.

Врачиха за соседним столом охнула – то ли от информации, которая поступала по телефону, то ли от приглашения Марины. Но, к сожалению, я знал, что в приемное отделение обычно не возвращаются. Оформил документы – и дальше по этапу: обследования, доктора узкого профиля.

– Зайдет, – пообещал капитан. Потом, дождавшись, когда мы отойдем подальше, разнося грязь по чистому линолеуму, добавил:

– Через много лет...

И тут я понял, что он специально так сделал. Полковник, наоборот, при посторонних меня унижал. Думаю, с теткой-докторшей он нашел бы общий язык.

Капитан же – красава. Подождал. Не стал обвинять меня. Хотя я все равно интуитивно чувствовал опасность, исходящую от начмеда. Сейчас он, словно дикобраз, ошетинился: дай ему повод, и свернул бы мне шею, как ребенок непонравившейся кукле.

Предстояла очная ставка с Крысом. Шансов доказать собственную невиновность у меня было мало.

– Стой.

– Сергей Палыч, я Трофимыча не трогал, – выпалил я.

– Лицом к стене, сволочь! – это уже крикнул Махлюков. Он выполз из-за железной двери, а за ним, как овца на привязи, – Лысый.

– Говорят, челюсть сломал! – пожаловался полковник капитану. – Клянусь честью офицера, посажу я твоего дезертирчика.

– Напомню, товарищ полковник. Новиков – не дезертир. Убийца – это да. Терять ему нечего, так что...

Начмед, в процессе разговора, растегнул мне наручники. Я растер запястья. Полковник, конечно, не испугался, но замолчал. Лысый же сжался, словно хотел спрятаться. «Бойтся? – злорадствовал я. – Неужели я такой дегенерат, что даже «дед» стал меня опасаться? Приятно. Очень приятно, когда тебя боятся».

– Ты что творишь, капитан? – зашипел Махлюков.

– Снимаю наручники. Рентген не терпит металла.

Меня толкнули в помещение, где делали рентгеновские снимки.

– Раздевайтесь, – услышал я команду.

Я с тоской посмотрел на зарешеченные окна, за которыми жил своей жизнью маленький, заброшенный всеми городок, который держался только на сталкерах и торговцах. Крайняя точка подвоя цивилизации. Городок, застывший на перекрестке времени, в восьмидесятых, когда я даже в проекте еще не существовал.

Меня «засветили». Почему-то вспомнился один случай. Привели нам как-то солдатика, который случайно проглотил иголку. Сидел он на кровати, штопал носки, держа во рту иголку,

а тут зашел офицер. Солдатик испугался, вскочил, ударился об второй ярус кровати и от страха проглотил эту иголку.

Привезли парня, сделали снимок и очень удивлялись. В кишечнике бедолаги обнаружили штук пять острых игл. Так ему кличку и вклепили – Глотатель.

Наручники мне все же надели. Начмед контролировал ситуацию. Он не стоял за моей спиной, не толкал, но меня не покидало ощущение, что, стоит мне рыпнуться, мне в тот же момент сломают хребет.

Часы в коридоре показывали одиннадцать. День. Солнышко начинало припекать – пока еще скромно, словно боясь спугнуть людей, которые привыкли за долгую зиму к холодной погоде.

Мы поднялись по лестнице. Отделение хирургии встретило нас суетой: бегал медицинский персонал, мимо пролетел доктор, возмущенно общаясь с кем-то по мобильнику.

– Что-то случилось, – встревоженно сказал я.

– Ты, вопросы не задавая, быстро зашел! – Полковник ждал меня у дверей в палату.

Я хотел сказать, что это был не вопрос, а утверждение, но водоворот событий начал раскручиваться все сильнее и сильнее.

– Я попрошу всех выйти, идет следствие, – с пафосом заявил полковник.

Я застыл у порога, заглядывая в помещение. Несколько убогих кроватей. Крепкий бородатый мужик в спортивном костюме поставил пакет с апельсинами на стол, что-то сказал лежащий в кровати бабушке.

– Быстрее, – поторопил его Махлюков.

Я пропустил мужика и просочился в палату. Вдохнул – выдохнул. Спокойствие – вот что мне было нужно.

– Как здоровье, Антон?

5

Крыса дернулся. Он неприятно оскалился, будто собрался меня укусить. Нога его была закреплена на вытяжке – конструкция с противовесом не давала ему свободы действия. Он был, проще говоря, привязан.

– Убийца, – злобно произнес он.

– Подожди, подожди, – вмешался полковник. Он достал из кармана кителя серебряный диктофон, аккуратно примостил его на кровати Антона, но на кнопки вроде не нажимал. «Значит, давно включил? – мелькнуло у меня в голове. – Хитрая морда, записывает наши разговоры с самого начала».

– Так, давай представься для начала и расскажи, что произошло – начиная с двадцать четвертого февраля.

Начмед присел на подоконник, Махлюков же уселся на свободную кровать. Бабушка за моей спиной начала охать.

– Я, сержант Антон Деревянский... – начал Крыса.

Мне хватило несколько минут, чтобы понять: он пересказывает тезисы, который читал мне полковник. Заучил их основательно. Да, было больше мелких деталей, подробностей. Крыса иногда останавливался, мучительно пытался вспомнить, и тогда на помощь приходил Махлюков, задавая наводящие вопросы:

– Когда Новиков выстрелил в торговца по имени Дельный? Он тебя принуждал? Что, наступил на поломанную ногу?

Крыса говорил и говорил. Скоро я сам начал верить в его историю. В ней не было мутантов Зоны, аномалий и слепой удачи. А сговор, попытка шантажа, убийства – предостаточно.

Полковник резко переключался на мою персону, переходя на крик, от которого бабулька начинала молиться.

– Наступил на ногу? Да, солдат Новиков? Отвечай, когда офицер задает вопросы!

– Нет.

– Врешь, собачий потрох, – ругался Махлюков и продолжал общение с Крысом.

Отдых в больничке пошел на пользу Крысенышу. Да, кормили тут явно помоями, но прикроватная тумбочка сержанта ломилась от принесенной еды: яблоки, коробки вермишели быстрого приготовления, завернутый в бумагу кусок колбасы. Не голодал парень. Ну да, он же – жертва Зоны, который не сдал бандитам блокпост. Герой. Его подкармливали, вот он и отъелся. Круги под глазами Деревянского сошли на нет, живот выпирал. Лощеная Крыса. Холеная Крыса. Когда он тырил у сослуживцев – били его нещадно. А теперь вот подкармливают.

– Я ж тебя, поломанного, на себе тащил, – тихо произнес я. Голос дрожал от злости. Я старался не сорваться, не прыгнуть на его ногу.

– Отвечай на вопрос! – рявкнул Махлюков.

– Даже когда ты выстрелил в меня, я тебя не бросил, – продолжал я, – да и на Болоте тебя бы Чес оставил землю удобрять...

– Заткнись! – приказал полковник. Крыса же постарался отползти от меня – и, не будь он привязан, точно свалился бы с кровати.

– Я ж тебя как брата родного тащил...

– Да рот закрой!

Я тяжело дышал. Ребра болели, голова кружилась.

– Свят-свят, – причитала бабулька.

– Продолжим, – сказал Махлюков. – Почему вы решили, что существует сговор между Новиковым и сталкером по кличке Трофимыч, полное имя которого Борис Геннадьевич Трофимов? Который, кстати, неоднократно задерживался за незаконное пересечение границы. Служил...

«Вот оно как. Я думал, Трофимыч – это отчество, а оказывается, все банальнее. Переименованная фамилия».

Крыса с упоением рассказывал. Он зачастил, слова вылетали из него как пули из автомата:

– Они общались как свояки. Кузьма вел его, и оба знали, что он организует проход через блокпост.

– А они не упоминали фамилии или имена – через кого договорились о пересечении? – спросил полковник. Мне показалось, он, как хорек, почуял кровь.

– Упоминали. Перед тем как Новиков ударил сталкера по голове прикладом, тот сказал: «Ты, это, Сергею передай, что проверку прошел...»

Начмед, до этого спокойно сидевший на подоконнике, мгновенно среагировал на последнюю фразу. Капитан в одну секунду оказался возле постели Крысы, нагнулся и четко сказал:

– Повтори.

– Прошел проверку, – заикаясь, ответил Деревянский.

– Эй, капитан, отойди от потерпевшего! Кстати, ты ж по имени-отчеству Сергей Петрович? Да? – вступился за Крыса полковник.

Начмед медленно выпрямился.

– Сергеев много вокруг Зоны ходит. – Он вернулся и стал внимательно рассматривать дворик больницы.

Махлюков ловко выключил диктофон и сказал:

– Капитан, я знаю, что командир тебя уважает. Не понимаю почему, но, поверь, я тебя на самое дно опушу.

И сразу же включил аппарат для записи. Хитрый. Начмед не отреагировал. Полковник продолжил задавать вопросы, Крыса отвечал. Но уже не так активно. Перекосило его, он снова стал походить на запуганного маленького ребенка. Полез под подушку, достал красную пачку сигарет. Закурил.

Помещение наполнилось сизым дым. Бабулька завозмущалась:

– Товарищ военный, скажите, скажите ему, пусть больше не курит в палате. У меня астма, дышать нечем, а он курит и курит. Уже и доктор ругался, а ему все приносят...

Махлюков отмахнулся:

– Путь солдатик курит. Тебе чего, старая, жалко? Все равно умрешь.

Бабулька от такого обращения сразу замолкла. В ее понимании военный с блестящими звездочками на погонах – это был царь, заступник, который накажет нерадивого курильщика, заставит проветрить помещение. А тут...

Полковник уже спрятал диктофон в карман и теперь выталкивал меня из палаты.

– Стой смирно, – приказал он, недовольно выбрался в коридор, оттолкнул спешащего медбрата. «Недоволен, – отметил про себя я. – Значит, я правильно сделал, что не нарвался на конфликт».

Начмед отлип от окна, остановился у Крысы. Что-то изменилось. Теперь в глазах капитана появилась заинтересованность. Он как-то по-новому рассматривал сержанта.

– Что? – не выдержал Крыса.

– Забычковал быстро.

Крыса заметался, начал тыкать сигарету в железную перемычку кровати.

– Еще раз узнаю, что курил в палате... – грозно произнес Сергей Петрович.

Я смотрел и никак не мог понять, почему Антон оболгал меня. Мне его даже стало жалко.

– Антон, – сказал я. – А я тебя Крысой ни разу не назвал.

Капитан махнул, намекая, что пора выходить. Сержант начал всхлипывать, а бабулька осеняла нас крестным знаменем.

В коридоре – беготня. Насколько я знал, хирурги просто так не стали бы суетиться. Значит, они чего-то ждали. Может, авария на дороге случилась и в госпиталь везли пострадавших?

Начмед указал мне кивком головы на маленький тупик, образованный в коридоре вывалившимися из огромного горшка длинными листьями неизвестного мне растения. Я подошел, и капитан ловко пристегнул меня к трубе.

– Стой тут. И, Новиков, не дергай трубу. Ты, лось здоровый, вырвешь, а мы потом замучаемся платить.

Я облокотился на батарею. «Блин, она чугунная! Сколько же зим она отапливала коридор травматологического отделения? – задумался я, держась прикованной рукой за трубу, словно усталый воин, опираясь на копьё. – Вроде и бой закончен, враги пали под моими ударами, а сил не осталось, и никто не ждет. Пока сражался, все мое добро поделили ушлые прихвостни. Теперь дело за малым – замарать мое имя, и все – можно списывать. Хотя есть еще шанс. Или мне просто хочется цепляться за самую малую надежду? Так, надо думать. Главное: начмед всполошился. Значит, можно провести такую линию: капитан меня заслал в Зону, дал артефакт, проводника. Проводник не просто умер, закрывая нас от стаи собак, а еще и передал через меня весточку. Передал начмеду, что я – не сволочь, а нормальный пацан. Получается так – уважуха Трофимычу. А я, идиот, прозевал этот важный момент. Скажи я раньше начмеду эту фразу – как бы тогда закрутилось расследование?»

Начмед с полковником стояли в другом конце коридора. Махлюков тыкал в мою сторону пальцем, тряс кулаком перед лицом капитана. Мой начальник, судя по всему, уже бывший, коротко отвечал. Слышать я их не мог, шум стоял знатный.

Сквозь толпу, словно ледокол, прошел бородатый мужик. Он не спеша, но уверенно приближался к окну. Поймал летящую ему навстречу медсестру, не дал ей упасть, вернул девушку

в вертикальное положение. Мой мозг усиленно работал. Я вынырнул из омота мыслей и понял, что этот мужик идет прямо на меня!

– Здорова, солдатик!

– И тебе, отец, не хворать, – сказал я, внимательно рассматривая его.

– Ну, отец – это ты загнул. Меня Батей кликали в армии, – сказал он, протянул ладонь для рукопожатия, сделал вид, будто только что заметил наручники.

– Это тебя, солдатик, за дело приковали или так, шьют белыми нитками?

«Черт, – засуетился я, – и не убежишь ведь от него. Коренастый. Поперек себя шире. Спортивные штаны, ветровка с капюшоном, кроссовки с растянутой запятой. Бандит? Скулы широкие, борода темная, но до моего черного цвета далеко. Несколько серебряных нитей на короткостриженной голове. Одет странно. Подростково, что ли. А что у него под ветровкой: пузо выпирает или бутылку запрятал?»

– Вроде и натворил, а судят за другое, – ответил я.

«И чего ему надо? Может, бабулька пожаловалась на то, что Антон курит?»

– Вы не волнуйтесь, Антон курить больше не будет, – быстро добавил я.

Бородатый прищурился, и мне показалось, даже на секунду будто бы растерялся:

– Курить? А, ты про того, что с ногой поломанной? Не будет – и хорошо. Курить вредно.

Хотя и не курить – тоже. В мое время на предложение «дай закурить» ответ «не курю» означал отбитые почки. Хе-хе.

«Смешно ему? Да нет, смотрит жестко. – Мне даже показалось, будто меня снова засунули под рентген. – Да что я паникую? Жить осталось – чуток и ничего!»

– А ты, Батя, из чьих будешь?

Мужик перестал улыбаться. Хотя какая улыбка? Оскал это был.

– Я тебе что – холоп, чтобы кому-то принадлежать?

«Сейчас ударит», – подумал я и усмехнулся.

– Батя, мне двадцатка светит – за то, чего я не делал. Можешь по морде съездить, но говорю сразу – труба тут шаткая, меня не удержит.

Я старался смотреть ему в глаза. Это было тяжело. Мне казалось, что мир померк и остались только черные точки, в которых отражался я, сержант Новиков.

– Ты, Батя, бандит или бандитов ловишь?

– А ты уверен, что не делал? – задал он встречный вопрос. Не знаю почему, но чувствовал я себя котенком, которого подняли за шиворот и пристально рассматривают. И вырваться нет возможности. Хоть не обоссался, и то хорошо.

– Не делал. Меня в Зону сталкер провел. Не просто завел и бросил, как Сусанин поляков, а еще и назад вывел. Что пережил – вспоминать не хочу. Но Крыса врет, что я сталкера того вырубил и бросил умирать. Врет!

Слова полились из меня, как вода из пожарного шланга. Не знаю, почему я начал выкладывать все это незнакомцу. Кусками, сумбурно. Но он, на удивление, понял.

Отодвинулся, хлопнул меня по плечу:

– Я тебе верю.

Я же увлекся и задал мучающий меня вопрос:

– Почему он на меня наговаривает? Я ж его вытащил на себе, я ж даже не тронул его, когда он выстрелил... Почему?

– Все нормально, солдатик. Такова природа многих людей. Запугал его полкан. Представь: лежит Антон, нога подвешена, не сбежать, не уйти. И тут ему раскидывают ситуацию по позициям: он – дезертир. Это от трех лет. Прибавь, что еще он – сообщник подозрительных элементов. Докажут – еще пятерик. Да и убийство то надо на кого-то повесить... Вот лежит солдатик, простыня уже мокрая от пота, ночь не спит. И к утру приходит мысль замечательная. Просто гениальная. Все можно спихнуть на тебя...

- Это подло, – выдохнул я. Наваждение спало, и я начал жалеть, что раскрылся перед чужим человеком. Поплакался в жилетку, как девчонка.
- Не бери чужие пули близко к сердцу, – сказал Батя. Я же решил реабилитироваться:
- Так что, ты бандит или нет? – повторил я вопрос.
- Не тыкай, – ответил он. – Да, служил я старшим прапором. Где надо служил. Ничего, что я не офицер?
- Нет. В армии два старших: старший прапорщик и старший лейтенант.
- Мужик глянул в окно:
- Что за херня происходит?

6

Я повернулся, насколько позволяли наручники, запоздало подумал: «Если это уловка, то я повелся как идиот. Батя-то этот не простой».

Вид из окна открывался замечательный: прямо на дворик и вход в приемное отделение. В подъезд вкатывали носилки с больным. Но больного этого не довезли: перевернутые носилки с крутящимися колесиками, барахтающийся на земле человек. Нет, что-то тут было не так. Вокруг пациента суетились белые халаты и еще странного типа мужики.

– Капитан! – прокричал старший прапорщик в отставке.

Я отвлёкся от действия внизу. Начмед как раз спорил с Махлюковым. Тот расстегнул китель и активно махал руками.

– Капитан! – громче крикнул Батя. Но шум в коридоре, возмущённый голос больного на койке, который грозился написать письмо самому Берии, не позволял начмеду расслышать зов Бати.

– Зуб, е-мое! – третий раз крикнул бородатый.

На удивление, Сергей Петрович услышал, быстро вычислил, откуда кричат, и ринулся к нам. Полковник аж затрясся, продолжая кричать ему в спину, да с такой силой, что даже я услышал:

– Он сядет на нары!

Начмед стремительно преодолел коридор, уворачиваясь от спящего персонала и больных. Сразу же сориентировался, встал у окна. По-хитрому встал: прислонился спиной к стене и слегка высунулся из-за уступа.

– Ключи, – требовательно сказал Батя.

Я снова принялся наблюдать за происходящим внизу. Нет, там творился какой-то бардак. Я решил, что каталка с носилками опрокинулась случайно, от резвости санитаров, одетых в зеленые хирургические костюмы. Оказывается, нет. В проем забора въехала машина. От испуга быть задавленными люди, стоявшие там, попрыгали в стороны. Двери дорогой иномарки белого цвета распахнулись, и оттуда, как горох из банки, повысыпались...

– Фризы, – выдохнул я. От злости дернулся вперед, налетел на грязное стекло. И обратил внимание – руки у меня свободные. Начмед выполнил приказ странного бородача.

– Бандиты? – уточнил Батя.

– Да, полные отморозки. Но они из Зоны не должны были выползать, – уверенно сказал я.

– Зуб, по запасной лестнице. Принимаем решение на месте по обстоятельствам. И я тебя прошу, не бойся ломать кости бандитам, – быстро проговорил Батя.

Щелк! Начмед от трубы батареи наручники отцепил, но не забыл застегнуть их на мне снова. Все вернулось на круги своя.

– А кто там бандиты?

– Как по мне, все. Так что ломай всех, а травматологи потом разберутся...

Начмед изменился в лице. Казалось, будто с него соскоблили налет усталости. Он весь светился энергией. Изменились и его движения. Он бросил китель на стоящий вдоль стены ряд стульев, сверху – фуражку. Повернулся ко мне.

– Я понял, даже думать не буду убежать, – сказал я.

– Капитан, ты чего, вообще устав забыл? – наконец-то до нас добрался Махлюков.

– На вашу ответственность, товарищ полковник, – бросил ему, словно кость дворняге, начмед и ринулся на запасную лестницу. Батя уже испарился в том направлении секунд тридцать тому.

– Сержант, что тут творится?! – переключился на меня полковник.

– Много «скорых». Видимо, массовое поступление. Я думал – ДТП, но что-то не так... Бандиты с одной стороны, их прессуют фризовцы с другой. Разборки между группировками, – высказал я свои домыслы.

– Тебя думать не просили, – просипел полковник. Выглянул в окно: – У них что, биты?

– Где Лысый? – спросил я. Это было важно. Хоть он и оказался уродом, но своих бросать нельзя, не привык.

– В моей машине, – медленно ответил Махлюков. «Стопор. Ясно. Это не в кабинете орать на сопливых пацанов, которые жизни еще не нюхали. Машина возле парадного, значит, там и солдатик-водитель. Хорошо».

– Так, надо закрыть двери на этаже, чтобы не допустить проникновения сюда подозрительных элементов, – так же медленно сказал полковник.

– Надо убрать людей с первого этажа, – сказал я, ожидая от него хоть какой-то реакции. «Чего он замер?!»

Снизу послышался громкий мат. Лопнули стекла на машинах «скорой помощи». Биты начали делать свою работу. Человек – странное существо, все норовит пустить на разрушение. Бита есть – так иди играй в бейсбол! Нет, у нас в стране ее раскупают как средство самообороны. Что это, инстинкт, благодаря которому наш пращур схватил палку с земли, отфигачил ею саблезубого тигра и мамонта? Не сам, конечно, толпой. Вот и сейчас – толпа в кожаных плащах фигачила всех. Я увидел, как высокий мужик в пальто смачно ударил битой по спине санитаря. Тот аж выгнулся в другую сторону. Нет, не дали ему поднять больного с перевернутых носилок.

Еще трое накинудились на убегающих, таких же, хулиганского склада морд, но одетых в простые мастерки и толстовки.

– Да плевать на первый этаж, – произнес Махлюков. Он отстранился от окна, оскалился. «Хорек, тля!»

– Ты чего, еще дверь не закрыл?! – крикнул он на меня. Я ошалел. Оказывается, это он мне приказ отдавал. Моими связанными руками решал проблемы.

Нет, положила руку на сердце и еще что-то на всех, мне не хотелось бежать вниз под биты. Это нормальный инстинкт самосохранения, который спас меня во время легкой прогулки по Зоне. Но слова и поступки Махлюкова сработали как катализатор совести: если он тварь дрожащая, то я, хоть и тоже дрожу, но дело свое знаю.

Я знал про фризов плохие истории. Это были моральные уроды, которые хуже преступников, как вирус иммунодефицита хуже простого гриппа. Клан отморожков, которые кроме денег жаждут получать удовольствие, принося боль другим. Все это воспринималось мною раньше, как передача новостей, – до тех пор, пока не встретился с ними лично. Убийцы и садисты.

Я вспомнил про Марину. Страх коснулся моего сердца. Неприятно, словно мне кинули за шиворот горсть снега. Давно я такого не испытывал, с самих Болот. Даже когда Лысый и Пятно напали в карцере, я так не боялся.

Приступ паники. Голова, которая и так кружилась, ускорила обороты. Мышцы стали ватные, мягкие.

Я сделал неуверенный шаг. Надо было пересилить себя. Нет, выбегать под биты я не собирался – просто вывести людей через центральный вход.

Что-то рядом говорил полковник, сам он не делал попыток пойти и закрыть двери.

С каждым шагом во мне росла сила. К лестнице, ведущей на первый этаж, я уже дошел, ощущая упругость мышц. Скатился вниз. Ступеньки от старости и постоянного мытья стерлись и были покатыми. Добрался до двери в приемное отделение. Замер, прислушался. Нет, вроде суэта вся осталась на втором этаже. Я приоткрыл дверь и провел рекогносцировку. «Что же, радуется, что не один я такой умный на этом белом свете. Перевернутые стулья, тахта посередине коридора, словно шлагбаум. Как хорошо! Вывели людей! Наверное, Батя и Зуб подняли панику. Молодцы». Раздались крики, где-то треснуло стекло. Звук особенный, в природе не встречающийся. Даже бутылка, принесенная для стрельбы по ней с мелкашки, сделана на заводе.

Мат раздался совсем рядом. Я даже присел от неожиданности. Прозвучало еще что-то, но мозг уловил только знакомые ругательства.

Значит, не все послушались и выбрались через центральный вход. Я сильнее приоткрыл двери, просочился в коридор. Наручники мешали, но я в очередной раз порадовался, что они были застегнуты спереди.

– Куда дели пацана?! Где эта мразь?!

Крик раздавался из кабинета, где я начал свой путь по больнице. «Ну конечно, – догадался я. – Кто же еще может тупить, кроме докторицы? Кто это ей посмел указывать? Она тут царица, а ей поклон не били и не целовали в одно место».

Я, прижимаясь к стене, начал приближаться. «Главное, отринуть сомнения. Все, решил – так делай».

На улице раздались крики боли, визг шин, глухой удар.

– Где операционная? Где?!

Таким голосом детей в переулке пугать. Пропитой, но не глухой, а писклявый. Раздались женские вопли.

– Ты рот закрой, коза молодая! Нет времени на тебя! Но я вернусь, сисястая!

Не знаю почему, но Марину я отметил в мозгу, как свою собственность. Свою. Понравился бы ей такой подход или нет, но сейчас обстоятельства сыграли за девушку. Я вспомнил гнилозубую улыбку Чеса. В такой ситуации он не раздумывая сказал бы: «Че ты мнешься, как фраер? Твоя коза или не твоя?»

Учителя бывают разные. Некоторые своим примером показывают, как жить нельзя. Но даже такие уроки помогают в жизни.

«Ну, если я тебя уложил, то и этих задену не слабо», – мысленно сказал я Чесу.

Внимательно смотря под ноги, чтобы не наступить на какую-нибудь дрянь, я двинулся из своего укрытия. Мне попался стул. Старый и тяжелый.

Я поднял его за спинку: не бита, конечно, и неудобно, но выбирать было не из чего.

– Ну все, сейчас я тебе рот сломаю, – пропищал бандит. Что значила эта замысловатая фраза, для меня осталось загадкой, несмотря на годы изучения анатомии.

Бабье заголосило. Я глубоко вдохнул и нырнул в приемный кабинет.

Перевернутый стол докторицы. На полу она и медсестричка. Казалось, они, как мышки, хотят забиться под стол, спрятаться от кота. А кот подкачал. Сухой, алкашного вида, на две головы ниже меня – где-то метр пятьдесят пять. Бандит услышал мои шаги, даже успел повернуться и поднять монтировку.

И это все, что он успел. Стул – просто зверь. Я рыкнул, замахиваясь. Неудобно. Стул дугой полетел к цели, по дороге расфигачил лампу на потолке, осыпая нас осколками, и врезался в бандита. Попал я хорошо – в правую лопатку.

– Аа-а-а-а! – заорал урод.

– Ой-й-й! – запищала докторша.

Сухой припал на одно колено, но монтировку не выронил. Резкий выпад в мою сторону. «Нет, братуля, так не пойдет!» Я отклонился и ударил еще раз. Попал. Стул крякнул и развалился под бурный протяжный крик бандита.

Ключица. Вдребезги. Монтировка упала на пол, ее хозяин – вслед за ней. Он орал, будто я ударил его в пах. Причем три раза и с носка.

– Заткнись! – проорал я в ответ.

Поднял стул, вернее, то, что осталось от него, ударил еще раз и еще. Нет, слабо. Ребра болели, и сила удара ослабла. Сухарик закрутился на полу. Крик стоял, словно работала сирена на машине «скорой помощи».

«Надо добить. Но постараться не убить. Хватит мне и так проблем. Если за «дедов» я готов еще пятерик получить, то за алкаша-бандита... Не надо мне такого счастья». Я кинулся к стулу, поднял его – и крик прекратился.

Тишина. Бандит лежал без сознания. Вокруг – куча земли и коричневые осколки цветочного горшка. Докторша застыла, словно гарпия: глаза гневно сверкают, на лице гримаса злости. Вот это боец!

Я медленно опустил стул на место.

– Марина, подайте еще один горшок. Да, тот, что с геранью, он побольше.

– Он уже в отключке, – заметил я.

– Молодой человек, не мешайте. Он, может, и без сознания... – сказала она, забирая у Марины горшок, – но он обидел двух дам. Значит, два горшка.

Бандит что-то промямлил за секунду до нового удара по голове. Герань красиво повисла на его макушке.

– Не думал, что растение – такая сильная штука, – сказал я, пребывая в шоке от увиденного.

7

– У меня в манипуляционной – наркотики. В сейфе, конечно, но я сначала проверила, закрыт он или, как всегда, я забыла повернуть ключ, – тараторила доктор, – а Марина не захотела без меня уходить...

– Пойдемте скорее, – тянула ее за халат медсестричка.

Мне стало неловко за дурные мысли о докторше. «Докторе», – поправил я сам себя. Мысли разбежались, как рассыпанная гречка по столу. Я поднял монтировку, взвесил в руке – тяжела малышка, такой череп можно вскрыть и печень отбить.

– Мы готовы, – сказала Марина. Голос у нее дрожал, но не так, как бывает обычно от волнения. Нет. Скорее от возбуждения. Словно она чем-то или кем-то гордилась. «Странно, – подумал я. – Чего она так?»

– Да, готовы, – подтвердила доктор.

Они устали на меня, ожидая дальнейших указаний. Приятно, когда тебе подчиняются. Особенно если час тому назад ни во что не ставили.

С монтировкой я ощущал уверенность. Еще бы автомат – и все, режим бессмертия включен. Опасно зазнаваться, но ничего поделаться я не мог, адреналин шпарил по сосудам.

Выглянул. Чисто. Вернее, грязно, а людей я поблизости не наблюдал.

– Давайте к главному выходу. Вроде сирены милицейские звучат. Скажете: разборки среди бандитов, – напутствовал я медицину.

– За люстру придется вам заплатить, – строго произнесла спасенная доктор, – у нас приличная больница.

Я тряхнул головой, пытаюсь понять, послышалась мне эта фраза или это такая шутка. Я так и стоял в стопоре, пока женщины не скрылись, ловко выбежав в центральные двери. «А мне куда? Наверх? За ними?»

Бесперспективное будущее давало стимул.

«Так. Что я теряю? Да ничего! Заценил начмед со странной кличкой Зуб фразу умершего Трофимыча. Отмажет от полковника и тюрьмы? Не смешно». Нет, я хотел в это верить, но что-то не верилось.

На всякий случай я вернулся к бандиту, постучал трофейным орудием по его хребту. Без движения. «Голову эта истеричка ему разбила? Ладно. Хоть в спину не ударит».

Я направился к месту разборки. Хотя направился – это громко сказано. Тигр же сначала крадется, прячется в листве и неподвижно замирает на долгое время. Так чем я хуже? Хвоста нет, есть монтировка.

На последнем этапе прислушался. Криков нет, мата – тоже. Странные глухие звуки, далеко – вой сирен. Монтировка хорошо лежала в руках, и стальные браслеты совершенно не мешали. Опять дверь, опять за ней уроды. Яркий солнечный свет резанул по глазам, на секунду ослепил. Я сместился в сторону, присел за машиной «скорой помощи».

Перевернутые носилки так и лежали, а возле них – пациент без движения. Рядом – санитары, которые тихо постанывали. Далее – молчаливые кожаные плащи. Сколько их выскочило из машины?

Они черными кляксами лежали на асфальте. И один из них держался за живот и тихо подвывал.

Я сместился в сторону, открывая большой угол обзора. Вздогнул. Передо мною выросла зеленого цвета болотная тварь...

– Новиков, брось палку.

– Бандиты? – ошарашенно спросил я начмеда.

– В состоянии неактивной угрозы.

На темно-зеленой рубашке – бурые пятна, волосы взъерошены.

Начмед изменился. Неспokoйный какой-то стал, словно капля ртути. Он выдернул у меня из рук монтировку, исчез за машиной. Снова появился, цепким взглядом осматривая дворик.

Я выдвинулся чуть вперед.

– Что произошло? – удивленно спросил я.

Бандиты лежали на земле, рядом с каждым валялась бита. «Сколько времени мне понадобилось на то, чтобы разобраться с одним мелким бандитом? – я пытался разобраться в ситуации. – Минут десять? Меньше? За это время разложить на асфальте толпу не самых мирных людей... Что там с рукопашным боем? Завязал начмед два года тому назад? Ага, сейчас. Все наивные уже лежат и корчатся от боли».

Снова раздался глухой удар.

– Ничего. Разборки между бандитами, – спокойно ответил начмед. – Батя, синие на подъезде.

– Слышу, – раздалось чуть в стороне.

Я словно фильм смотрел: включил с середины и теперь не мог понять, что происходит. Приблизился, заглянул за машину «скорой».

– Бам!!!

Батя держал фризовца за шиворот и монотонно бил головой о машину.

– Бам!!!

Заметил меня, подмигнул, но процесс не прекратил.

– Ну что, готов проверить на прочность эту развалюху? – строго спросил бородатый у бандита.

Мне показалась, что тот в отключке. Нет, зашевелил губами, задрыгал конечностями.

– Гунч...

– Чего это тебя на рыбу потянуло? – уточнил Батя. На его спортивном костюме я не заметил ни капли крови, в отличие от формы начмеда. Да и сам бородач не выглядел запыхавшимся.

– Гунч приказал... – снова простонал бандит.

Батя сделал движение, и тот упал на асфальт уже без сознания. Я даже не заметил удара, а догадался по косвенным признакам.

– Гунч – это пахан из Зоны, – сказал я, – он с фризами на ножах. Отморозки они, а он – нет...

– Знаю, – прервал меня старший прапорщик в отставке, – знаю... Слышь, парень, неплохой ты человек, но влез глубоко. Вытащить тебя вряд ли получится... Зуб!

Начмед оказался позади меня, а я даже не заметил этого.

– Тут.

– Мальца проверь, если не врет, то постарайся срок ему скостить...

Раздался визг шин, крики и суета. Подъехала к главному входу милиция.

– Понял, – сказал начмед, – что с этими?

– Расскажешь, как в одиночку раскидал их всех. Медальку дадут, – произнес Батя, усмехнулся. – Зуб, тебе что, славы захотелось? Побились – и все, скрылись на машине в неизвестном направлении. Ну а ты смог одного уложить...

– Двоих, – угрюмо произнес я. Стало обидно за начмеда, – я еще одного в приемном уложил.

– Зверь растет, только мясо успевай подавать, – произнес Батя. – Я ушел.

Он ринулся в другую сторону, ловко запрыгнул на высокий забор и исчез. Начмед достал ключ, наручники щелкнули:

– Вопросов будет меньше, – пояснил он.

– Зато у меня их много, – начал я. – Батя зачем приходил? Он же бабульку ту не знает? И почему – Зуб? И как раскидали всех?..

– Успокойся, – произнес Сергей Петрович, и нас закрутил вихрь событий.

Маты милиции не отличались от бандитских. Нам тыкали пистолетами в лицо, проводили задержание. Отбила нас доктор, при активном участии медицинского персонала. Оказывается, она тут знала всех и ее все знали. Она сыпала фамилиями и должностями, от которых приехавшие начали нервничать.

Появился главный врач, организовал работу по доставке в госпиталь больных и травмированных. Смешно: бандиты хотели попасть в операционную и травматологию, и их желания сбылись. Появился наш полковник, одновременно с ним подъехал начальник милиции.

– Что тут твои делают?! – орал он. Толстая шея покраснела от напряжения.

Махлюков сипел ему на ухо:

– Мои ребята предотвратили нападение на больницу. Заметь, под моим руководством! Начмед, поддакни!

Мы стояли рядом, вытесненные потоком людей. Ухх, как все завертелось! Вот что значит организация на высшем уровне! Покореженные бандиты исчезали в глубине больницы, милиция наводнила дворик, стало тесно. Водители пытались скорее выехать, им запрещали. Ругань, гвалт.

– Да ну?! – удивлялся начальник милиции. – А мне другое докладывают!

– Доложу как надо, в бане в субботу, – шипел Махлюков. – Поверь, это мой шанс вырваться с этого захолустья! Сейчас закрою дезертирчика и твой рапорт – заживу!

– Так это, я в этом захолустье всю жизнь живу, – зло ответил ему главный среди синих и пошел в сторону машин.

– Подожди! – бежал за ним Махлюков. – Да подожди ты!!!

– Договорятся, – мрачно резюмировал капитан.

– Так что насчет Бати? – продолжал я расспрашивать.

– Кузьма, не ершись, – начинал накаляться начмед.

Я замолчал. К нам подскочил вертлявый сержант в легком бронежилете, начал составлять протокол, с наездом расспрашивая. Раздался властный окрик начальника милиции, и сержант отлип от нас.

Когда он исчез, я продолжил. Вокруг нас суетились, толкались, но я уже не мог ждать:

– Так кто этот Батя?

– В перевязочную, – сказал начмед и потащил меня за рукав. – Забыл тебе сказать, Новиков, две вещи. Своим молчанием ты сокращаешь себе срок...

Он втащил меня в помещение, мы пропустили пустую каталку, чуть не зацепились за тахту, отброшенную к стене.

Я снова замолчал. Спорить с человеком, который получил приказ мне помочь, я не собирался. Хотя язык жгло, словно хлебнул горячего чая. Хотелось узнать как можно больше. Например, как они раскидали вдвоем такую ораву бандитов?

– А что второе?

– У тебя перелом восьмого ребра, слева, – произнёс начмед и затолкнул меня в манипуляционную.

Я не удивился. «Достал меня Пятно. Ладно. Долг платежом красен, а я верну с процентами». Я сел на кушетку, закрыл глаза, пытаюсь остановить этот крутящийся мир. Странно, пока начмед не сказал про ребро, я чувствовал себя бодрячком. А тут – словно прокололи воздушный шарик, и он начал сдуваться.

– А вот и он! Перевязывай его, Мариночка, я пока займусь остальными.

Я аж дернулся. Доктор, любящая выращивать герань, пропустила в кабинет медсестру. «Да что ж за напасть такая, доктор эта. Никуда от нее не деться».

Марина начала разрывать бинты, снимая с них желтый пергамент. Девушка сияла, тараторила без остановки. На удивление, мне становилось легче.

– Я узнала, тебя Кузьма зовут. Красивое имя. Ой, какая у тебя гематома! Это кто тебя так?

– Да есть два брата-акробата.

– Ты на них жалобу подашь? – понизив голос, спросила она. Ее приятный цветочный запах сводил меня с ума. Я старался запомнить его.

– Зачем? – Мне захотелось похвастаться. – Я просто челюсть одному сломал...

– Знаю. Знаю. Этот второй солдатик, которого привезли. Ну, ты, оказывается, матерый преступник. Ой, извини...

Я скривился.

– Спасибо тебе, Кузьма. Ты на Лидию Петровну не сердись, она хороший доктор. Работа у нас такая: воспринимай все близко, и сгоришь за годик. Так, теперь подними руку. Будешь как в фильме «Мумия»... Ты ей понравился. Она любит решительных мужчин.

Я улыбнулся.

– Только ей? – спросил я с намеком.

Марина засмеялась, словно я сказал гениальную шутку. Я смотрел на девушку, и мне хотелось наброситься на нее, впиться в ее губы.

Марина, делая свою работу, болтала без умолку. Я наклонился, целясь в сочные губы. Она увернулась, засмеялась:

– Промазал!

Да, Казанова из меня не получился.

– Все, я побежала, а ты тут посиди.

Она с улыбкой отошла от меня.

– Эй, волк угрюмый, – позвала меня уже возле двери. – Жду приглашения в кино, – произнесла она и упорхнула в бушующий коридор отделения.

Часть вторая. Ренат

1

– Ты чего залип, дух? Я кого спрашиваю?

Я скользнул взглядом по широкому лицу Баранова. Он сидел напротив. Рыба-прилипала. Как началось все с него, так и катится. Тряхнуло на ухабе. Наш «газик» прокряхтел, но, боясь быть списанным на металлолом, работал усердно. Машина свернула с асфальтированного недоразумения, по старой памяти именуемого дорогой, и выехала на знакомую проселочную. Лесополоса, по которой я двигался ранней весной, полная грязи, теперь подсохла.

Я сидел на скамейке в кузове, пристегнутый к железному каркасу, на который натянули толстую пленку. Защита от дождя. Осадков, правда, не наблюдалось. Серые тучки бесцельно ползли по небу.

За нами на «уазике» ехала довольная морда Махлюкова. В пятнистом дождевике поверх военно-полевой формы. Полковник ржал всю дорогу. Солдатик-водитель угрюмо вцепился в баранку, периодически поглядывая на меня. Гамма эмоций на его лице менялась от жалости до страха. «Ясно. Художник человеческих пороков, полковник Махлюков рисует ему мое прошлое и будущее. Опасный дезертир, убил проводника, издевался над сослуживцем. Если бы еще принес пачку денег, то...»

– Ты чего, дух, залип?! А?!

Баранов несильно ткнул меня стволом пять сорок пять в бок. Охранник, мать его... Я только поймал нужную мысль, сияющий хвост озарения, а тут он тыкает.

– Я тебе за духа морду порву. Хочешь, проверим? – сказал я.

Баранов смотрел на меня своими голубыми глазами. Широкий, с буграми мышц. Хвастался, что бицепс у него по размеру почти как у Арни. Врал, конечно, но не сильно. Русые волосы, коротко стриженные, и это он еще считался заросшим.

– Руки короткие, – произнес он.

Я привстал, потянул кольцо наручников по железяке – как раз хватило, чтобы дойти до середины кузова.

– Но-но! Не стартуй! – без испуга, но громко произнес Баранов. – Я тебя бить не хочу!

Я отступил, плюхнулся назад. Глянул на прекрасную природу. Все оживало, мир начинал дышать полной грудью. Благодать! Кроме полковника Махлюкова, который стучал по лобовому стеклу, привлекая мое внимание. Привлек. Погрозил мне пальцем, как учительница в третьем классе.

«Как же зовут Баранова? Записывал же в журнал приема амбулаторных больных, и не раз, но хоть убей не помню. Игорь?»

– Баранов, запомни, дух остался там, в Зоне. Я знаю, что у нас в части на крепость народ проверяется очень просто – сходил в Зону или нет. Я тебе напомним: шесть дней, нигде бока не грея, я шастал по радиоактивным землям. Собак стрелял, защищая сволочь крысовскую, таскал его на себе. Даже артефакт притащил...

Я резко оборвал свое пламенное выступление. Артефакт, который я принес, дал мне в поход начмед. Который меня туда и сплавил. И дал опытного сталкера Трофимыча в проводники. Вернее, это сталкеру дали необученного солдатика, который первый раз высунул свой длинный нос за границу.

«Черт! – Я вдруг понял всю цепочку, все ключевые моменты. – Поход в Зону – продуманный план. Безопасный, как пешеходный переход в пустыне. Ибо нет там машин. Так и у

меня не должны были возникать проблемы. Борис Геннадьевич Трофимов оберегал меня, ошарашенного духа, от аномалий и мутантов. Даже учил по ходу движения. Так, как мы шагали до построек колхоза, двигаются в местности, полной аномалий. Значит – кроме охраны и прогулки, он старался меня научить азам.

Приход трех бандитов смешал нам все карты. Урка по кличке Чес, торговец Дельный и сопливый кусок жира – Унылый. Проклятая тройца: интересно, кто из них в аду больше получает пыток.

Трофимыч был за меня в ответе. Да и проникся, не бросил на произвол судьбы-злодейки. Без него поход отмычкой в Топи стал бы для меня фатальным.

Случай, белоснежная улыбка судьбы, превратила пикниковый поход в игру на выживание».

Баранов поднял ворот бушлата, поправил кепку.

– Ты это, сильно не обижайся. Дух ты, пока не проставился за приход из Зоны. Тебе пацаны уже кличку придумали новую, а тут узнали про Крыса и дали заднюю.

Он замолчал. На лбу его пролегла морщина. Потом добавил:

– Крысе я не верю. Он у меня протеина банку спер, в самом начале службы.

Я сбился с плавного полета размышлений.

– Какая банка?!

– Протеина. Когда в качалку ходишь, надо его кушать. С нашим питанием много жать не будешь. – Баранов перевернул автомат горизонтально и изобразил, как выполняет жим лежа.

Он у нас любитель в тренажерном зале поработать до седьмого пота.

– Я тогда только попал в часть. Запары, залеты. Банку же прятал от всех, а этот вынюхал, гад. И сказать кому – не выход. Короче, ты мне тоже не нравишься, но тебе я верю.

– Я ж тебе не сто долларов, чтобы нравиться, – огрызнулся я.

– Вопрос-навоз. Ты за все время ни разу не соврал. Поверь, это мы подметили.

Мы – значит, старшие по службе.

Машину накренило, я вцепился в скамейку, чтобы не улететь на Баранова. «Как же его зовут? Саша?»

Видимо, водитель объезжал пятно грязи. Но опыт приходит с километрами. Наша машина спокойно проехала дальше, а вот «уазик» Махлюкова смачно вкатился в центр лужи.

Если говорить словами Баранова:

– Залип полкан по самые уши...

Он застучал по перегородке с водителем. Тот остановился, медленно сдал назад.

Мотор заглох, из кабины выбрались водитель и мой начальник. Встали возле кузова. Закурили. Полковник Махлюков раздражённо открыл двери, оценил, что до твердой земли ему не допрыгнуть, начал кричать:

– Ты что, посигналить не мог? – Это он нашему водителю.

– А ты, идиот, куда ехал? Грязи никогда не видел? – Это уже своему солдатику.

– Начмед, хватит курить! Давай, организовывай, как нас вытащить!

Сергей Петрович по кличке Зуб медленно затянулся и начал красиво выпускать изо рта кольца дыма. Процесс этот требовал сосредоточения, и на крики старшего по званию капитан не обращал ни малейшего внимания.

– Давайте трос! А ты – газуй! Сильнее!

Ошметки грязи вылетали из-под колес «уазика». Солдатик, бледный от угроз, пытался выгрести из грязевой ловушки.

– Хорошо, что не аномалия, – произнес я.

– Угу, – согласился наш водитель. Повернулся ко мне: – Ты уже как сталкер говоришь.

У них только аномалии и хабар на языках.

Хабар. Я вдруг понял, что очень мне нравится это слово. Хабар. Значит, что-то ценное.

– Раз в Зоне побывал, а уже дел наворотил, – вмешался начмед.

– Дофига? – спросил Баранов. Любопытный.

– Видишь, целый полковник едет разбираться, – ответил капитан, аккуратно забычковал окурок, обратился к водителю:

– Знаешь, говорят, что после смерти у замполита еще три дня язык во рту двигается?

Тот усмехнулся.

– Давай, тащи трос. Вытаскивать будем нашу птицу-говорун.

Водитель снял кепку, почесал лысину.

– Трос-то есть, а кто в грязь полезет, цеплять-то?

– Гы-гы, дурных нет, – подал голос Баранов.

Мы все втроем посмотрели на него.

– Почему я? – вопил Баранов на протяжении следующих десяти минут.

– А кто? Я офицер, водителей не загонишь, им баранку крутить надо.

– Так, это, вон, в кузове залетчик сидит, – попытался съехать сержант.

Я отшутился:

– Баранов, не будь стрелочником. Я опасный преступник, который убежит в лес, перед этим я вас всех перестреляю. А полковника – вообще... – Что именно я бы сделал с Махлюковым, я не озвучил.

Баранов, на удивление, не стал дальше гнуть свою линию. Начал скидывать верхнюю одежду, бормоча ругательства сквозь зубы.

Начмед докурил и сказал:

– Конечно, спустить тебя на Махлюкова – идея хорошая. Но нельзя.

Почему нельзя, я не понял, но тему развивать не стал.

– Давай быстрее!!! Чего ты возишься?!

Махлюков возмущался все сильнее, ругательства его приобретали изощренный смысл. Баранов схватил трос, ринулся в озеро грязи. Теперь, в одной футболке, штанах и берцах, он походил на культуриста. Таких фотографируют для рекламы тренажерных залов. Что ж, каждому свое.

– Быстрее!

– Да лезь ты под бампер!

– И что?! Ну, грязь там, так набери воздух и ныряй!

Начмед сплюнул. Недоволен он был полковником.

– Баранов недавно переболел пневмонией, – напомнил я капитану.

– Угу. Хочешь помочь? Так просто не вытянем машину, надо толкать.

– Да, товарищ капитан, дело говоришь, – вмешался водитель, – руку на отсечение даю, не вытянем без толкача. Хорошо молодой залез, по самое дно.

– Кузьма, не хочешь, так сиди молча, – закончил свою фразу начмед.

Лезть не хотелось.

– Не хочу, – ответил я честно, – но надо.

Водитель с прищуром посмотрел на меня, начмед же не отреагировал. Постоял, закурил еще одну никотиновую палочку.

– Откуда такой альтруизм, Кузьма?

– Он все же помог мне, когда два «деда» в карцере меня мяли берцами. Не побоялся.

– Вот уж за кого, а за этого громилу бояться не стоит, – произнес капитан. И ленивым движением вытащил ключи от наручников. Дал их мне, даже не поворачиваясь. Водитель, от греха подальше, как он сам выразился, нырнул в кабину.

Я отстегнул наручники, оставив их висеть в кузове. Спрыгнул. Начал раздеваться.

Махлюков заметил мои действия, начал суетливо копошиться. Вытащил пистолет Макарова, демонстративно передернул затвор.

– Я с твоим щенком возиться не буду! – крикнул он начмеду.

– Это уже не щенок, – возразил капитан и гаркнул: – Давай!

Не знаю, услышал ли его водитель в кепке, но колеса закрутились. «Уазик» дернуло, Махлюков не удержался и спрыгнул в грязь.

– Я думал, там по пояс, а выходит, всего по колено, – спокойно прокомментировал я. Виртуозный мат с угрозами создавали уникальный фон для разговора.

К этому фону присоединились звуки моторов, грозный шелест шин. «Уазик» крепко засел.

Махлюков, не выпуская грязный пистолет из рук, выбрался на твердую поверхность. Баранов последовал за ним, однако не успел ощутить счастья пребывания на суше.

– Иди толкай! Бестолочь! Откормился на казенных харчах, хоть на убой посылай! – ярился полковник.

– Ветки не забудь, – спокойно сказал начмед.

Я так и сделал. Лесополоса помогла. Повытаскивал оттуда веток потолще, залез в грязь. Баранов недовольно сопел. Он уже успел почесать лоб, и теперь жирная полоса грязи украшала его, будто маскировочная краска.

– Давай, под колеса засовывай. Нужна сцепка колесам, – пояснил я.

– Сам знаю, – прогудел он. Не по-злому, как выходило у грузного Угрюмого, а по-простоцки. Таким тоном сообщают, что знают, сколько соток надо прокопать или сколько тонн металла нужно на тренировке подкидывать. Уверенный тон.

Затолкали ветки. «Уазик» жалобно визжал, «газик» его ругал, но тянул. Мы навалились на машину, толкая до боли в мышцах. Моя грудная клетка трещала, как пустая пачка сигарет в кулаке.

Грязь большими кусками вырывалась из-под шин, обливая нас словно из шланга.

– Тяни! – урчал Баранов.

– Окрысились, – рычал я.

«Уазик» дернулся, завертелся на месте и тронулся. Пик напряжения – мне казалось, я просто поднимаю машину в воздух. Машина полковника вылетела на твердую дорогу.

Раздался резкий треск разрываемой материи, только хлеще и резче. «Уазик» замедлил ход, а «газик» быстро покатился в сторону блокпоста.

– Успели, – выдохнул я.

– Чего успели? – тяжело дыша, спросил Баранов.

– Вытолкнуть успели до обрыва троса, – пояснил я, уперев руки в бока.

Мы так и стояли в луже, стараясь прийти в себя. Черные, злые, но с победой.

– Спасибо, Кузьма, – произнес Баранов.

– Должен будешь, – ответил я и наконец-то вспомнил, как его зовут, – Ренат.

2

Блокпост не изменился. Казалось, он живет в другом потоке времени и десяток лет для него всего лишь месяц. Как в самом начале моей службы нас привозили сюда на устрашение, так все и осталось. То же приземистое здание с законопаченными щелями, служащее хорошим укрытием во время Всплеска. Бетонные блоки с двух сторон, перегораживающие дорогу из цивилизации. Бастион, защищающий от мутантов Зоны. А мутанты разные бывают. Один крохлеб чего стоит, здоровая тварь. Правда, страшнее всего мутанты на двух ногах и с автоматом наперевес. Сталкеры, бандиты...

– Нам надо свернуть за тот пригорок, – сказал начальник патруля.

– Тебе надо – ты и сворачивай, – проворчал Махлюков.

Второй раз я был в Зоне и второй раз удивлялся, как менялась погода. Мы еще даже на сто метров не отделились от блокпоста, а холодный ветер уже начал толкать меня в спину. Как будто здоровался, ликуя, что вернулся старый знакомый. Или должник, которого долго искали.

Трава под ногами сопротивлялась вторжению. Да, раньше, говорят, тропинка вытоптанная была – настолько много контрабанды туда-сюда ходило. Сталкер в Зону, сталкер из Зоны. Командир части прикрыл лавочку, чем обидел многих людей. И не только в Зоне, а и за ее пределами.

– Слышь, Кузьма, а че там было? А? – спросил Баранов. Мы, оба грязные, словно шахтеры из забоя, двигались вместе: гениальная идея посетила лобастую голову полковника, и теперь мы с Барановым шли, скованные одной цепью. Наручниками.

«Интересно, откуда в нем это? – думал я про Махлюкова. – Он же не следователь, а простой балабол... Нет, не простой. Умный балабол. Хитрый». Нас к зданию колхоза вели трое военных: начальник патруля и солдатики. Так далеко они ходить не любили. Я усмехнулся. Далеко – значит, минут десять быстрой ходьбы. Так в Зоне никто не ходил, если не по чистой, проверенной дороге. Я понимал патрульных: они отсыпались перед ночным дежурством, когда нужно было усиленно контролировать границу, а тут нежданчики приехали. И вести их надо вглубь, а они привыкли патрулировать вдоль границы. Вдоль!

– Кузьма, чего молчишь? – дернул меня Баранов.

Я пытался понять, зачем нам надо идти за пригорок, одновременно рассматривал окрестности, поэтому ответил односложно:

– Думаю.

– О чем? Срок светит большой?

Чем мне нравятся простые люди, так это тем, что они могут спокойно подойти и начать обсуждать с тобой личные проблемы. Мои личные проблемы. Например, старушки на скамейках во дворе, которые начинают спрашивать: а что это за девочка к тебе приходила? Или на работе: а сколько ты получаешь? а твои родители сколько? а почему так мало?

Я, наверное, воспитан как-то неправильно. Меня учили быть вежливым. Поэтому на подобные вопросы я сначала отвечал, потом отшучивался. Теперь просто спрашиваю: для кого информацию собираешь? После такого больше не лезут с вопросами. И не общаются больше.

– Сколько бы ни светило – все мое, – сказал я. Намек Баранов понял, замолчал. Я же наконец-то разобрался, в чем суть спора старших.

– Я хотел могилку показать. Сталкера того, которого собаки порвали перед Всплеском. Или он их порвал, если точнее выразиться. – Начальник патруля напряженно держал автомат в руках.

– Так закопали уже, что мне смотреть?! – возмущался полковник.

Мы с начмедом переглянулись. Поняли друг друга без слов. Мы, как бульдозеры, не замечая преград, ринулись за пригорок. Я потянул за собой Баранова.

Сержант оказался тяжелым. А когда он еще и уперся своими копытами, так и вообще...

– Ты куда?! Нам туда нельзя!

– Давай, Ренат, надо на могилке побывать. – И добавил: – потом расскажу, что в больничке случилось.

То ли уговорил я его, то ли совпало с решением полковника, но мы все же двинулись к пригорку. «Интересно, если я уговорил Баранова, то чем могу заинтересовать Махлюкова? Информацией про пахана Гунча? Так я ничего крамольного про него не знаю. А может, выложить все как было, про истинные цели бандитов, найти сталкера Крадуна? Про блокнот?

Нет, эту информацию я сплавлю начмеду. Ему доверия больше, да и странный Батя пока никак не вписывался в привычное течение. Так бывает, не укладывается симптом в общую картину заболевания, начинаешь думать, раскручивать. Тяжело, долго, но потом оказывается, что именно этот симптом указывает на причину недомогания. А правильный диагноз – это половина лечения».

Пригорок защищал деревянный крест от ветра и посторонних взглядов. Да и сам крест был небольшой, словно игрушечный, еще не успел затереться под дождями и светил желтыми боками.

– Так, останки выкопаем и отвезем на судмедэкспертизу, – вальяжно объявил воспитатель.

– Так я ж рапортовал, вы сами сказали, приберись... – начал было начальник патруля, но не закончил – с такой злостью посмотрел на него Махлюков.

«Странно получается, – подумал я. – Пока Крыса ходил в дезертирах, дело и не собирались раскачивать. Впяли бы ему срок или по-тихому спустили на тормозах... А тут из Крысеньша поперло, и полковник почуял запах новой должности. Не зря он в больнице к главному милиционеру приставал».

Мы приблизились к холмику свежевыврытой земли. Присели возле могилы. Я потянул за собой Баранова, и он, недовольно сопя, примостился рядом.

– Трофимыч, вот и сбылось твое желание: похоронен в Зоне, – печально сказал начмед.

Баранов открыл рот, чтобы спросить, откуда капитан знает сталкера, но я толкнул парня в бочину.

– В свое время Трофимыч, когда был вечно молодой и вечно пьяный, ходил к ЧАЭС. Не добрался самую малость, но рассказывал потом много интересного. И однажды признался, что тут его дом, тут его крепость.

Начмед взял кусочек земли, начал мять в руках. Мне показалось, молчать негоже. Надо было сказать пару слов, сталкер заслужил эту малость.

– На Болоте тварь на нас напала. Здоровая, кровожадная. Я думал, умру от страха, а потом обделаюсь. Именно в такой последовательности, – начал я хриплым голосом, – а потом появился Борис. Я тогда имени его не знал. Трофимыч и Трофимыч. Так он засунул твари ствол ружья глубоко в глотку и выпустил ей мозги на свободу.

Ветер недовольно таскал траву, играясь с ней. Я отломал травинку, откусил. На счастье. Горько.

Баранов не выдержал, почувствовал момент.

– Я это... не знал его. Но знаю другое. Сталкером обычно просто закапывают и даже табличку не вешают. Да... А ему крест поставили. Значит, заслужил...

Сержант замолчал. Я заметил, что он, когда волнуется, говорить начинает как-то сбивчиво, путано. Нет, Ренат не был дураком, это точно. Кругозор у него был широк, я бы даже сузил. Обычно те, кто поначалу воспринимал его как обычного качка, потом очень жалели.

Приблизился начальник патруля, услышал слова Баранова.

– Мы на следующий день приехали менять смену. Всплеск отзвучал, а вместе с ним – обычные проблемы: гон, зверье, как всегда, перло на блокпост, как волны на волнорез. А тут такое чудо: группа солдатиков вернулась, хотя один пропал неделю тому. Его уже похоронили. Так вот, потопали мы со старой сменой – интересно же, хотя и страшно. Аномалии ведь могут сдвинуться, где-то исчезнуть, где-то появиться.

Я хмыкнул. После похода через Границу на Топи страх перед аномалиями притушился, как старый нож. Если раньше я боялся даже до ветрянки дойти, то теперь что-то поменялось в сознании. Да, Зона опасна везде, но есть места, насыщенные аномалиями, а есть спокойные дорожки и пути.

Военный же понял по-своему мое хмыканье:

– Что боец, страшно? Понимаю. Так вот, нашли мы его, и не просто разорванный труп... Вокруг него земля была усыпана трупами собак, словно их со всей Зоны собрали, а этот сталкер их методично положил. Пацаны потом посчитали, сколько голов он разнес. Вышло больше пятнадцати. Исключительно выстрелами в голову!

– Порвали его сильно? – спросил начмед.

– Смотря с чем сравнить. Обычно ребра да хребет остаются от сталкера. А тут и Всплеск помешал, да и умер мужик, не опустив руки. Вскрыл ножом много тварей, а самого здорового, – он показал ладонью от земли холку зверя: получилось ему почти по грудь, – он ножом выпотрошил, как селедку на кухне. Однако зверь его все равно достал, в горло вцепился. Еле зубы разжали...

Я вспомнил, как рассказывал Трофимычу про мёртвую собаку, которая встретила меня по дороге в Зону. А он в ответ показывал татуировку на своей кисти – голову собаки. Как иногда все связано, скручено Зоной в одну цепь.

– Настоящий был мужик, – внезапно закончил рассказ начальник патруля.

Я от такого перескока мыслей аж вздрогнул. Начмед уловил в этом сумбурном рассказе другую информацию.

– Получается, он отстреливался до последнего патрона, но не сдал позицию. А потом вступил в бой с ножом?

– Получается, так.

– А ты не помнишь, череп разбитый у сталкера?

– Да помню, чего не помнить. Не каждый день такое случается. Разбит был, однозначно, – сказал начальник патруля. – Но не свежая рана, нет. Тряпкой обмотана голова была, но повязка, видно, уже давнишняя была. Грязная, пропитанная кровью. Горло перегрызли, ноги-руки погрызли, из-за схватки с вожаком до головы сталкера псы не добрались. Да и Всплеск подошел, накрыл всех, как ядерной бомбой.

Я кивнул, медленно и уверенно:

– Как я и писал в объяснительной. Трофимыч остался сам, а удар по голове ему нанес урка по кличке Чес. Еще тут, в схроне на колхозе. От удара Борис ослеп на левый глаз, появилась головная боль, слабость в левой половине тела...

Начмед мгновенно собрал перечисленное мной в диагноз.

– Понял. Теперь я все понял. – Он встал и сказал начальнику патруля: – Спасибо за могилку и крест. Трофимыч заслужил это.

– Хватит там стоять! Холодно на ветру! – Махлюков даже попрыгал на месте, стараясь согреться.

Начальник патруля махнул рукой:

– Да за что спасибо? Это нормально, по-человечески.

Он не стал злить полковника и, ловко мяся грязь и приминая траву, двинулся к нему. Мы с Барановым встали, собираясь последовать его примеру. Начмед же крепко схватил меня за шиворот и зашипел:

– Баранов, сделал вид глухонемого.

Тому понадобилась секунда для понимания приказа, и потом он уставился в сторону горизонта. Замер, словно столетний дуб.

– Кузьма, извиняться не буду, думал, ты Трофимыча ударил и бросил. Убедительно все получалось у Крысы, в отличие от твоей писанины. Скажу как есть, без понтов и надежды. Дело мы придержали, не выпустили, как джина из бутылки. Оно крутится в части, но Махлюков видит в тебе возможность перевода в другую часть. Тут он перестал получать откаты с артефактов и приуныл. Щемит его командир, страшно щемит. Да, Баранов?!

Ренат не отреагировал.

- Молодец, – улыбнулся начмед, – приказ выполняешь как надо.
- Я же ничего смешного не видел.
- Капитан наклонился и прошептал мне на ухо:
- Думай. Могу дать пистолет и отпустить в Зону.
- А что делать с полканом?
- То, что сделал Трофимыч с собаками.

3

Ветрянка молчала. Ветер усиливался, весенние тучи неслись над нами, а она стояла молча. Огромные лопасти не крутились, как в прошлый раз, не издавали шум. Мы подходили к зданиям колхоза. На короткую прогулку потратили часа полтора. Медленно, как улитки по скользкой дорожке, мы топали к схрону.

Начальник патруля показывал место, где нас с Крысой настигли собаки, потом дошли до места побоища. За две недели хищники подъели останки собак. Вот так, идеальная безотходная переработка. Полковник достал камеру, начал все снимать, записывать показания. Сначала спрашивал, получал ответ. Обсуждая его, корректировал, и лишь после включал камеру и просил повторить. На простой вопрос начмеда о постоянной съемке получил ответ сквозь зубы:

– Это внутреннее расследование, и правила устанавливаю только я. Или вы, товарищ капитан, не верите честному офицеру?

Я лично не верил, но меня и не спрашивали об этом.

Меня спрашивали о том, как я тащил Крысу, потом как толкал его в спину... Смешно, но печально.

Я же все это время параллельно думал. Голова начала отекает от простой мысли: принять ли предложение начмеда – убить человека, который хочет поживиться за твой счет. Цена вопроса: десять-пятнадцать лет в тюрьме, сломанная жизнь. Не только моя, а и моих родителей.

И тут меня тряхнуло. Сильно тряхнуло, словно я крепко спал и свалился с кровати... Это было ощущение непонимания и липкого страха, смешанное с болью удара о пол...

«О чем я думаю?! Убить человека?! Да, он урод, моральный урод. Да, он не хочет докопаться до правды, но – убить?! Чем тогда я лучше урки Чеса? Я сам поставил ему в вину смерть солдата на блокпосте под мостом, а теперь начинаю жить по его же бандитским законам».

Я понял: это перекресток моего жизненного пути. Выбор, который определит мое будущее.

Убить полковника и сбежать в Зону. Я понимал, что начмед прикрывается, заставляя меня сделать это. «Оно и понятно, надо же ему будет как-то отмазаться от моего побега в Зону. А что там? Что меня там ждет? С пистолетиком? Снова Граница и деревня для новичков?» Шестерить на бандитов я не хотел. Хватило мне такого горя, хлебнул его с лихвой. «Примут меня вольные сталкеры с распростертыми объятьями? Шансы, конечно, высокие, пятьдесят на пятьдесят. То есть или встретят, или не встретят. Нет, это не выход. Значит, третий вариант – садиться в тюрьму. Батя в больничке сказал, что может помочь мне скостить срок. Это хорошо. Уже не десять, а все пять. А если признаться в том, чего не делал? Трешка – за хорошее поведение?»

Я резко остановился. Пазл собрался. «Нет, не проведешь меня, товарищ капитан медицинской службы и КМС по рукопашному бою».

Предо мною был старый знакомый. Колхоз.

– Ветрянка не крутится. Странно, – сказал я.

– Чего странного? Поломана давно, стоит без движения, – сказал мой прицеп.

– В тот раз крутилась будь здоров.

– Врешь.

– Ухо откушу.

– Я тебе откушу, – возмутился Баранов, но больше не стал обвинять меня во лжи. – Давай, обещал же рассказать про больницу.

«Обещал. Отвлекаешь ты меня, Баранов, сильно отвлекаешь. В таких ситуациях надо послать тебя подальше». Однако идея, которая посетила мою дурную башку, засияла, словно костер в темном лесу. И я замер, боясь поверить в спасение. Как там говорят англичане? Глупый выбирает из двух зол, а умный не берет ни одно.

– Слышал, что начмед имеет КМС по рукопашному бою? – спросил я тихо.

– Конечно. Его фото висит на стенде «Лучшие спортсмены части», – так же тихо ответил Баранов.

– Так вот, забудь про кандидата в мастера.

– Чего это?

– Как минимум мастер спорта.

– Так выше не бывает!

– Тогда объясни, как он смог сам покалечить пять бандитов? Просто разложил их на асфальте, как рубероид раскатал.

– Ты это видел?! – Баранов от эмоций начал махать стразу тремя руками: двумя своими и одной моей.

– Концовку. Я чуток занят был, спускался вниз. Сначала увидел, как подъехали «скорые», за ними – фризовцы. Разборки у них начались, а начмед спустился...

Я красочно описал, что произошло. Баранов уточнял. Тема ему нравилась, он впитывал каждое слово. Была бы ручка и тетрадь, начал бы конспектировать.

– А как он бил? Прямым справа?!

– Зачем тебе это, Ренат? – теперь удивлялся я.

– Да понимаешь, тут у нас изменения происходят. Перемены, – на выдохе произнес он последнее слово.

– Ты о чем?

– Тихо там, расчирикались! – раздался грозный окрик полковника. Он шел сзади, с камерой, царь мира, и не знал, что в моей голове решалась его судьба. Баранов перешел на шепот:

– По языковым секторам объявили отбор в спецвойска. Любой может подать командировочный рапорт и, если тот подпишет, отправиться в лагерь на учения. Потом отбор – и все...

– Тихо!

– Сам – тихо, – произнес я в сторону.

– Что ты там сказал?!

– Так точно, товарищ полковник, так точно, – теперь уже я повернулся в его сторону.

– Замерли! – грозно рыкнул начмед.

Вперед идущий начальник патруля условным знаком приказал всем остановиться и теперь внимательно осматривал примятую впереди траву.

– Воздух колышется, – пояснил он причину остановки.

Я пригляделся: точно – легкое марево, словно смотришь сквозь немытое окно, четкость теряется.

– И что это? – требовательно спросил Махлюков.

– Аномалия, – ответил наш проводник.

– Я уже понял, товарищ прапорщик, я конкретно спрашиваю – что это?

Прапорщик за годы службы привык отвечать на конкретно заданный вопрос без проволочек и лирики.

– Аномалия, товарищ полковник!

– Ты что меня бесишь?! – Махлюков приблизился к нам, но зашел со стороны Баранова. – Я спрашиваю, что это такое?!

Проводник крутил головой, пытаясь понять, что опаснее для него в этот момент – аномалия или полковник в гневе.

– Прапор, полковник хочет узнать, какая это аномалия, – спокойно объяснил начмед. Он стоял позади нас, развернувшись в сторону блокпоста. Потом звонко передернул затвор – контролировал ситуацию. Опыт.

Таковыми действиями он мне напомнил Трофимыча: все выверено до мелочей, движения отработаны до автоматизма. Одна школа? Да, теперь сомнений не было: вот, значит, кто натаскивал начмеда ходить по Зоне.

– Я так и сказал, в переводчике не нуждаюсь, – нервно произнес полковник. Прапорщик же получил точный вопрос и честно ответил:

– Сложно понять. Мы ж просто охранники, границу стережем. Это сталкеры и военсталы лезят по отчужденной территории...

– Ты что такое несешь, прапорщик? Какие простые охранники?! Вы должны гордиться честью, оказанной вам, – сберечь границу от мутантов и бандитов! Или ты намекаешь на то, что раз ты – охранник, то я тогда кто?! Начальник охраны?! Да я честный офицер, по недоразумению попал в этот...

– Камера работает, – так же спокойно сказал начмед.

Я был уверен, что он улыбался.

– А... Да, – спохватился полковник. – Так что за аномалия? Выяснить!

Я не понял, зачем начмед его предостерег. Хотя понятное дело: записи-то потом редактируются. Но все же... За кого играл капитан?

Думаю, что прапорщик лукавил, когда говорил, что в Зону он не ходок. По крайней мере, до начала Границы должен был тропинку знать. А комедию поломать перед полканом – это как вариант.

Начальник патруля, словно желая подтвердить мою догадку, полез в карман и вытащил ржавый болт. Кинул его в аномалию. Болт, просвистев над нами, отлетел в сторону.

– «Подскок», – уверенно сказал начмед.

– Угу, – согласился прапор. Мы же с Барановым переглянулись.

– Дядя, – сказал я прапорщику, – предупреждать надо.

Полковник, который среагировал на полет болта и присел, с нами согласился:

– Прапор, ну ты не прав. А если в глаз?! – И тут же задал неожиданный вопрос: – А артефакты в нем есть?

– Какие артефакты? – удивился прапорщик.

– Это же аномалия. Раз аномалия – должны быть артефакты, – медленно пояснил Махлюков.

– А-а-а-а... Не, пустой был... – ответил прапорщик, – в смысле есть...

– Объяснительную ко мне зайдете и напишете, – прошипел полковник. – Тут же, наверное, артефактов немерено. Начмед, какие в этой аномалии можно найти безделушки?

– В «подскоке»-то? «Стальной цветок», «утренняя звезда»... В средней ценовой категории, – ответил начмед и усмехнулся: – Мне тоже объяснительную написать, откуда знаю такие подробности?

Полковник скорчил недовольную мину, словно в последний момент у него обломалась сделка на миллион.

Жадный офицер, хоть и честный. У каждого человека есть слабости. Надо просто их узнать и использовать потом.

Артефакты – вот ключ к успеху. Артефакты!

Я почувствовал прилив сил, бурлящий поток по моим жилам. «Это выход, это шанс на выход из этого беспросветного туннеля!»

«Подскок» – аномалию, которая высоко подбрасывает незадачливого сталкера или любой другой тупой предмет, – мы обогнули. Пришлось сойти с дороги и очень медленно проползти по обочине. Солнышко нагревало воздух, пробиваясь сквозь тучи.

Показалось знакомое здание – ветрянка, которая нам помогла при нападении туш.

– Что там светится?! – подозрительно спросил полковник.

– Это «разрядка». Аномалия, которая убила неизвестного мне бандита. Я ж писал...

– Да кому нужны твои описки, – огрызнулся полковник. «Угу, так я и поверил. Наверняка, когда сочинял историю Крыса, проштудировал мои записи и ответы. Нет, полковник, меня за дурака не держи».

– Расскажи, что здесь случилось, – попросил начмед.

Я в лицах и деталях рассказал историю про нахождение трупа, внезапное появление туш, отстрел их и укрытие в схроне.

Мы медленно передвигались к месту действия: от здания колхоза к ветрянке, которую я погладил по шершавому от ржавчины телу, и назад, через другой вход, к зданию.

Почти ничего не изменилось, только костей прибавилось. Обгрызенных и обглоданных. Да, видимо, тут происходил собачий пир.

– Это схран?

– Да.

– Железные ворота, двустворчатые, по семьдесят сантиметров каждая створка, – начал начитывать Махлюков на камеру. – По словам задержанного, именно тут он провел несколько ночей, боясь выйти и попасть под стаю мутантов.

Он дернул ручку, и дверца с мерзким визгом начала отворяться. Полковник толкнул ее и тут же отскочил назад.

– Что это за дрянь?!

Я посмотрел в схран. Внизу плескались электрические волны «разрядки».

4

– Сдвинулась.

– Сдвинулась или разрослась?

Мы стояли и обсуждали аномалию. В помещении сохранились вонь от гниющего мяса и легкий запах сгоревших вещей. Аномалия не пощадила ни раскладушку, ни стол – спалила все дотла. Щелкнула своими электрическими плетями – и начался пожар. Хотя, я был уверен, бесилась она долго. Влажность в схроне зашкаливала.

– Съемку я не могу произвести, по объективным причинам. Так, давайте подтверждайте это на камеру, – начал командовать полковник.

Я остановился возле начмеда и произнес одно слово:

– Поговорить.

Он достал сигарету, неспешно закурил. Только потом отстегнул наручники. Баранов, недовольный таким положением дел, обиженно сопел.

Капитан двинулся в сторону, увлекая меня за собой. Мы уперлись в кирпичную стену, покрытую зеленоватым грибком.

Сергей Петрович достал пистолет, протянул мне ребристой рукояткой.

– Стрелять не обязательно, можешь просто бежать, – сказал он.

Как боксеры, мы смотрели друг другу в глаза. Роста мы были одинакового, оба – высокие. Оба – поджарые и наглые, словно борзые, готовые молниеносно догонять хитрохвостых лисиц. Или хорька.

Мимики – ноль. Он просто курил, выпуская дым в сторону, и пытался прожечь во мне дырку пристальным взглядом серых глаз.

- Струсил? – спросил он. Не мигая.
- Мысли были, – ответил я. Не мигая.
- Какие?
- Умные.

Первое проявление эмоций – легкая усмешка. Не отводя глаз, не мигая.

– Говори, пока есть время. Сейчас нас полковник начнет терзать.

– Говорю. В пистолете или нет патронов, или при передаче его мне произойдет выстрел. Случайный, а может, и в результате борьбы, и я закончу как Трофимыч.

Пауза.

– Как вариант.

– Это первое. Второе, я не стану стрелять в полковника. Он, конечно, гнида, но портить себе судьбу из-за него я не буду. Я не убийца, который жаждет крови.

– А на Болоте ты так не думал. Крыса говорит – с одной попытки горло перерезал.

– То было исполнение приговора, – чуть повысил я голос. Глаза жгло огнем, словно в них насыпали соли.

– Тогда тюрьма, – произнес начмед.

– Нет, есть другой выход, но мне нужна помощь. Я не знаю, доверять тебе или нет, – произнес я. Специально переметнулся на «ты».

– Не самые умные мысли, но радует, что черепушка у тебя варит, – произнес начмед.

Он отстегнул магазин, показал пустой ствол. Даже щелкнул в сторону. Потом, как фокусник, начал доставать по патрону из кармана и заряжать пистолет.

– Эй, какого вы там стоите? Быстро ко мне! – Полковник навел на нас камеру, словно автомат.

Я затараторил:

– Бандиты-то не просто так преследовали Крадуна. Рюкзак с артефактами. Целый рюкзак, набитый контейнерами, а в них – бирюльки. Понимаешь, что я хочу?

– Понимаю. Сам догадался или кто-то подсказал?

– Сам. Жизнь внезапно научила. Я для него никто, а ты офицер. Помоги.

– Последний раз повторяю. Оба, бегом ко мне! – орал полковник. Словно чувствовал, про него разговор.

– Уже на «ты»... Новое поколение...

Он сместился, встал спиной к камере. Щелкнул пистолет, патрон заскочил в ствол.

– Последний шанс. Бери и беги, – предложил он.

Я покачал головой. Нет.

– Смотри, если артефактов не будет, то помочь не смогу. Ни я, ни Батя.

Он ловко спрятал пистолет в набедренную кобуру.

– В рюкзаке они будут. Вопрос в другом, – сказал я.

– Ну, удивляй.

– Я не уверен, что знаю, где рюкзак.

Сергей по кличке Зуб засмеялся. На удивление, его смех не раздражал.

Полковник преодолел расстояние до нас, обогнул кости и остановился. Грязные берцы и штаны, распахнутая курточка, пистолет в кобуре, в руках камера серебристого цвета. Нет, он нас не боялся. Уверенность сквозила в каждом его движении. Привык, что под его приказы и капризы готовы люди плясать.

Я же еще в карцере вспоминал про рюкзак, поигрался с вариантами, где он мог находиться. Бросил, решил, что его уже нашли. Потом обломался, пытаюсь понять слова Трофимыча о том, что Крадун спрятал рюкзак, как настоящий сталкер.

«О чем это он? Забросил на крышу? Привязал в ветрянке? – Я даже так и подумал: все же она сломалась и не работала. – Проблема же в другом: после того как Крадун заныкал рюкзак с артами, ветрянка крутилась. Значит – куда? А главное – информация в блокноте! Блокнот – вот ключ к лаборатории!»

Осталось одно место. Одно, где не лазили бандиты и проныры начальника патруля.

Теперь там плескалась «разрядка».

– Смотрю я на ваши физиономии и понимаю, что удумали вы ерунду сотворить, – цедя каждое слово, сквозь зубы произнес полковник.

Начмед удивился:

– С чего бы это?

Актер. Ему бы Станиславского удивлять такой игрой.

– Наручники зачем снял? Отвел его в сторону... Ты, капитан, не балуй, он мне нужен в целостности и сохранности.

– Вы правы, – согласился начмед, – мне Кузьма по секрету, как своему начальнику, рассказал интересную информацию.

– Ну? Что за новость так вас всполошила? – полковник недовольно сморщился, словно вблизи нестерпимо завоняло.

– Рюкзак с артами. Неучтенными. Не знаешь, на сколько там потянет, а, Кузьма?

Я, конечно же, не знал, но бухнул наугад:

– Тысяч на двадцать.

Полковник засмеялся. Мне показалось, начмед сейчас достанет пистолет и пристрелит меня на месте. Но я же еще не договорил, чего сразу яриться?

– Тысяч на двадцать долларов. Это минимально, с учетом сдачи местным барыгам. А они не сильно щедрые люди.

– Врешь. – Махлюков перестал смеяться и настолько крепко сжал камеру, что она затрещала пластиковыми боками.

– Вы думаете, товарищ полковник, три бандита будут за двадцать рублей в Зоне ползать?

– Двадцать тысяч зеленых – это хорошо. Это новая машина или половина трехкомнатной квартиры, – произнес начмед.

Полковник задумался и закивал, соглашаясь. Он уже начал думать, куда пристроить бабки. Очнулся. Все верно, их надо было сначала получить.

– Так, в рамках следствия я конфискую рюкзак.

– Кузьма? – лениво протянул начмед, как котяра, который объелся сметаны.

– Черт. Забыл. Помнил, а теперь забыл.

Я правильно уловил посыл от Зуба. Полковник приблизился ко мне, начал дышать прямо в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.